

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Дело «Лекич (Lekić) против Словении»¹

(Жалоба № 36480/07)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 11 декабря 2018 г.

По делу «Лекич против Словении» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Гвидо Раймонди, *Председателя Большой Палаты Суда,*

Ангелики Нуссбергер,

Линос-Александра Сицилианоса,

Анны Юджовской,

Роберта Спано,

Леди Бианку,

Хелен Келлер,

Пауля Лемменса,

Валериу Грицко,

Фариса Вехабовича,

Ксении Туркович,

Йона Фридрика Кжолбро,

Стефани Муру-Викстрём,

Жоржа Раварани,

Йована Илиевски,

Петера Пачолаи, *судей,*

Боштьяна Залара, *судьи ad hoc,*

а также при участии Сёрена Пребенсена, *заместителя Секретаря Большой Палаты Суда,*

рассмотрев дело в закрытых заседаниях 14 марта и 19 сентября 2018 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 36480/07, поданной против Республики

¹ Перевод с английского языка И.В. Артамоновой.

² Настоящее Постановление вступило в силу 11 декабря 2018 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*). В текст настоящего Постановления могут быть внесены редакционные изменения.

Словения в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Словении Любомиром Лекичем (*Ljubomir Lekić*) (далее – заявитель) 4 августа 2007 г.

Интересы заявителя в Европейском Суде представлял адвокат С. Здольшек (*S. Zdolšek*), практикующий в г. Любляне, Словения, а затем адвокат А. Саккучи (*A. Saccuci*), практикующий в г. Риме, Италия. Власти Словении были представлены их Уполномоченным при Европейском Суде Б. Йовин Храстник (*B. Jovin Hrastnik*), государственным прокурором.

2. Заявитель жаловался на исключение из реестра компании с ограниченной ответственностью, в которой он являлся миноритарным акционером, а также на то, что на него была возложена личная ответственность по долгам указанной компании.

3. Жалоба была передана в производство Четвертой Секции Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). Марко Бошняк, судья, избранный от Словении, не мог принимать участие в заседании (правило 28 Регламента Европейского Суда). В связи с этим Председатель Четвертой Секции Суда назначил вместо него Боштьяна Залара, судью *ad hoc* (пункт 4 статьи 26 Конвенции и пункт 1 правила 29 Регламента Европейского Суда). 14 февраля 2017 г. Палата Четвертой Секции Европейского Суда единогласно объявила жалобу заявителя в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции приемлемой для рассмотрения по существу, а в остальной части – неприемлемой и пришла к выводу об отсутствии нарушения указанной статьи. Палата Четвертой Секции Европейского Суда заседала в следующем составе: Андраша Шайо, Председателя, Винсента А. де Гаэтано, Ноны Цоцория, Пауло Пинто де Альбукерке, Юлии Моток, Габриэле Кучко-Штадлмейера и Боштьяна Залара, судей, а также при участии Мариалены Цирли, Секретаря Секции Суда. По ходатайству заявителя 18 сентября 2017 г. коллегия Большой Палаты Европейского Суда приняла решение о передаче дела на рассмотрение Большой Палатой Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции.

4. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда. 18 декабря 2017 г. Большая Палата Европейского Суда отклонила возращение заявителя относительно участия судьи Боштьяна Залара в рассмотрении ею дела.

5. Стороны представили дополнительные письменные замечания (пункт 1 правила 59 Регламента Европейского Суда). Кроме того, были получены комментарии от третьих сторон, Мальтийского института управления (*Malta Institute of Management*) и организации «Гражданская инициатива принудительно исключенных из реестра компаний» (*Civil Initiative of Forcefully Erased Companies*), которым Председатель Большой Палаты Европейского Суда разрешил принять участие в разбирательстве дела (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 3 правила 44 Регламента Европейского Суда).

6. Открытое слушание по делу состоялось 14 марта 2018 г. во Дворце прав человека в г. Страсбурге.

В заседании Большой Палаты Европейского Суда приняли участие:

(а) со стороны властей Словении:

Б. Йовин Храстник,

Н. Пинтар Госенка (*N. Pintar Gosenca*), Уполномоченные при Европейском Суде;

(б) со стороны заявителя:

А. Саккучи,

Дж. Борнья (*G. Borgna*),

М. Замбони (*M. Zamboni*), консультанты,

Д. Лекич (*D. Lekić*), советник.

Европейский Суд заслушал выступления А. Саккучи, Дж. Борнья, М. Замбони и Б. Йовин Храстник, а также их ответы на вопросы судей.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявитель родился в 1956 году и проживает в г. Любляне.

8. 8 октября 1992 г. заявитель вошел в состав компании L.E. (далее также – L.E.), которая на тот момент являлась публичной компанией с ограниченной ответственностью, действующей в соответствии с законодательством Словении. Акционерный капитал L.E. составлял 2995 250 словенских толаров (SIT)¹, при этом взнос заявителя в уставный капитал составил 332 805,55 SIT² (то есть 11,11% от акционерного капитала компа-

нии). Всего в составе компании L.E. было девять акционеров.

9. 2 февраля 1993 г. заявитель был принят на работу в компанию L.E. в качестве руководителя отдела информационных технологий. Кроме того, он оказывал содействие финансовому директору (в части бухгалтерского сопровождения).

10. 19 февраля 1993 г. J.Za. и M.D., два ключевых акционера и директора компании L.E., погибли в автомобильной катастрофе. J.Za., однако, остался зарегистрирован в качестве акционера компании L.E. Акции M.D. приобрел D.D. Два других акционера, J.Zu. и D.P., получили серьезные травмы, но также остались зарегистрированы в качестве акционеров L.E. После указанных событий, 29 апреля 1993 г., заявитель вступил в должность исполняющего обязанности директора компании L.E., а 23 февраля 1995 г. – в должность генерального директора. В этом качестве он выступал как представитель компании.

11. В 1993 году компания «Словенские железные дороги» (*Slovenian Railways*), созданная на основании специального законодательства, подала гражданский иск против компании L.E., требуя осуществить три платежа, связанных с коммерческими операциями между ними, на общую сумму около 5 000 000 SIT. Заявитель представлял интересы компании L.E. на всех слушаниях, проводимых по этому делу, за исключением последнего слушания 22 ноября 2000 г.

12. 9 августа 1995 г. M.K., еще один акционер компании L.E., умер, но, тем не менее, он остался зарегистрирован в качестве акционера компании.

13. В ноябре 1995 года деятельность компании L.E. была приведена в соответствие с требованиями Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года (см. ниже § 35), и одновременно она была преобразована из публичной компании с ограниченной ответственностью в компанию с ограниченной ответственностью (см. ниже § 33). К этому времени компания L.E. была уже неликвидной и неплатежеспособной.

14. 6 мая 1996 г. общее собрание компании L.E. освободило заявителя от исполнения обязанности генерального директора. Поскольку акционеры не смогли назначить нового директора согласно требованиям законодательства (см. ниже § 37), освобождение заявителя от должности не было зафиксировано в судебном реестре, и он по-прежнему был зарегистрирован в качестве генерального директора компании L.E.

15. 19 июня 1997 г. по инициативе заявителя общее собрание компании L.E. решило начать процедуру ликвидации. 23 июня 1997 г. заявитель подал ходатайство о ликвидации от имени L.E. с объявлением о том, что компания в течение некоторого времени неплатежеспособна и что ее общая задолженность составляет 22 393 952 SIT. 16 июля

¹ По состоянию на 8 октября 1992 г. это составляло около 32 500 ЭКЮ. Европейская валютная единица (ЭКЮ) использовалась в качестве расчетной единицы Европейского сообщества до ее замены на евро (EUR) 1 января 1999 г. по номинальной стоимости. 11 июля 2006 г. министры финансов Европейского союза приняли решение, позволяющее Словении вступить в зону евро с 1 января 2007 г., и установили курс конвертации для перехода со старой валюты в размере 239,64 словенских толара к одному евро. Согласно указанному фиксированному курсу данная сумма составляет около 12 500 евро.

² Согласно текущему курсу конвертации (см. сноску выше) это составляет 1 389 евро.

1997 г. компетентный суд обязал компанию L.E. в течение 15 дней внести предоплату для покрытия расходов на публикацию приказа о ликвидации компании в «Официальном вестнике Республики Словения» в размере 150 000 SIT¹. Заявитель утверждал, что некоторые акционеры L.E. отказались внести предоплату и предпочли подождать ликвидации компании по инициативе компетентного суда согласно законодательству, действовавшему в соответствующий период (см. ниже § 40).

16. 31 июля 1997 г. заявитель прекратил трудовые отношения с компанией L.E.

17. 25 сентября 1997 г. другой акционер компании L.E., J.Zu., умер, но, тем не менее, он остался зарегистрирован в качестве акционера.

18. 15 октября 1997 г. ходатайство о ликвидации компании L.E. было отклонено из-за невнесения требуемой предоплаты.

19. Решением от 22 ноября 2000 г. районный суд г. Любляны обязал компанию L.E. выплатить компании «Словенские железные дороги» требуемые суммы плюс проценты (см. выше § 11). Компания L.E. не подавала апелляционную жалобу. Постановление районного суда г. Любляны вступило в законную силу 12 января 2001 г.

20. На основании полученного от компетентного органа уведомления о том, что по банковскому счету компании L.E. в течение 12 месяцев подряд не проводились операции, районный суд г. Любляны, действуя в качестве регистрирующего суда, 19 января 2001 г. возбудил производство об исключении компании из судебного реестра компаний в соответствии с Законом «О финансовой деятельности компаний» 1999 года (далее также – FOCA, см. ниже §§ 41–52).

21. В тот же день решение о возбуждении производства об исключении компании из реестра было внесено в судебный реестр. Это решение было отправлено по зарегистрированному адресу компании L.E., но из-за отсутствия там представителей компании в почтовом ящике компании было оставлено извещение с уведомлением о том, что соответствующая корреспонденция может быть получена в почтовом отделении. 12 февраля 2001 г. решение было возвращено в регистрирующий суд с указанием на то, что адресат не получил его. После этого регистрирующий суд обработал данное решение, опубликовав его на доске объявлений, как предусмотрено законодательством Словении.

22. Каких-либо возражений против решения от 19 января 2001 г. со стороны компании L.E. или ее акционеров представлено не было. Таким образом, 11 мая 2001 г. регистрирующий суд принял решение об исключении компании L.E. из судебного реестра компаний. Решение было опубликовано

в «Официальном вестнике Республики Словения» 30 мая 2001 г.² Регистрирующий суд также попытался вручить решение L.E., отправив его по адресу компании, но, как и предыдущее решение, оно было возвращено в суд 4 июня 2001 г. с указанием на то, что адресат не получил его. Решение вновь было размещено на доске объявлений регистрирующего суда. Компания L.E. или ее акционеры, имевшие право обжаловать решение об исключении из судебного реестра, не обжаловали данное решение, и 17 августа 2001 г. оно вступило в силу.

23. 25 сентября 2001 г. компания L.E. была исключена из судебного реестра и в связи с этим прекратила свое существование. Уведомление об исключении из судебного реестра было опубликовано в «Официальном вестнике Республики Словения» 6 февраля 2002 г.³ На момент исключения из реестра в компании L.E. были зарегистрированы девять акционеров (включая заявителя). Заявитель утверждал, что ему стало известно об исключении компании из судебного реестра 22 декабря 2004 г., когда ему был вручен исполнительный лист (см. ниже § 24).

24. 5 апреля 2002 г. вышеупомянутый кредитор обратился в окружной суд г. Любляны с ходатайством об исполнении судебного решения, указанного в § 19 настоящего Постановления. 5 июня 2002 г. окружной суд г. Любляны выдал исполнительный лист, распорядившись об аресте и продаже всего материального движимого имущества заявителя и шести других акционеров компании L.E. Позднее окружной суд г. Любляны отозвал исполнительный лист в отношении J.Za., M.K. и J.Zu., поскольку они уже скончались (см. выше §§ 10, 12 и 17). По требованию кредитора 30 ноября 2004 г. окружной суд г. Любляны дополнил исполнительный лист, распорядившись о погашении задолженности, указанной в судебном решении, путем непосредственного вычета из заработной платы заявителя и трех акционеров компании L.E. Исполнительный лист был вручен заявителю 22 декабря 2004 г.

25. 29 декабря 2004 г. заявитель направил возражения против исполнительного листа, утверждая, что окружной суд г. Любляны не установил его фактические функции в компании L.E. и не признал его статус пассивного акционера (см. ниже § 51), который освободил бы его от ответственности по долгам компании. Заявитель утверждал, что требование кредитора к компании возникло до того, как он стал ее акционером. Кроме того, заявитель полагал, что бремя доказывания того, что он являлся активным акционером компании, должен нести кредитор. Наконец, заявитель подал

¹ Согласно текущему курсу конвертации (см. сноску на с. 3 настоящего Постановления), это составляет 626 евро.

² «Официальный вестник Республики Словения» (*Official Gazette*). 2001. № 42.

³ «Официальный вестник Республики Словения». 2002. № 10.

ходатайство о приостановлении исполнительного производства.

26. В решении от 12 марта 2005 г. окружной суд г. Любляны установил обязанность заявителя доказать статус пассивного акционера. Однако заявитель не смог доказать, что он не являлся активным акционером компании L.E. Окружной суд г. Любляны признал, что с долей, равной 11,11% в капитале компании, заявитель пользовался правами миноритарного акционера и, кроме того, работал в компании и активно занимался ее управлением с апреля 1993 года. В качестве исполняющего обязанности директора, а позднее генерального директора он был уполномочен действовать от имени компании. Кроме того, даже после ухода с должности генерального директора он всё еще активно участвовал в управлении компанией и подписал ходатайство о ее ликвидации. Наконец, окружной суд г. Любляны счел, что в качестве миноритарного акционера заявитель мог и должен был предложить кандидатуру для назначения нового директора на общем собрании компании, поскольку в соответствии с законодательством Словении у всех компаний должен быть директор. По вышеуказанным причинам возражения заявителя были отклонены. Окружной суд г. Любляны также отклонил ходатайство заявителя о приостановлении исполнительного производства, так как заявитель не доказал, что исполнение судебного решения могло причинить ему непоправимый или серьезный ущерб.

27. 9 февраля 2006 г. Высший суд г. Любляны отклонил апелляционную жалобу заявителя по сути по тем же основаниям, что и суд первой инстанции. Он отметил, *inter alia*, что Конституционный суд Словении установил, что мера по снятию корпоративной вуали¹ в рамках FOCA соответствует принципу отделения активов компании от активов ее акционеров и, следовательно, соответствует Конституции Словении. По мнению Высшего суда г. Любляны, не имело значения, был ли заявитель акционером компании L.E. до или после возникновения требования кредитора. Став акционером компании, он принял на себя ее активы и обязательства. Высший суд г. Любляны также решил, что тот факт, что заявитель не занимал должность директора компании L.E. до момента прекращения ее деятельности, не имел решающего значения. Важное значение имело то, что заявитель принимал активное участие в управлении компанией и что он имел права миноритарного акционера в соответствии со статьей 445 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года (см. ниже § 37). Высший суд г. Любляны отметил, что в отличие от статьи 6 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности»

1993 года, который требовал от кредиторов компании доказать, что акционер злоупотребил корпоративной формой (см. ниже § 34), FOCA ввел «неопровержимую» презумпцию, согласно которой акционеры исключенной из реестра компании принимают на себя солидарную ответственность по любым невыплаченным долгам компании. В соответствии с решением Конституционного суда Словении акционеры могут быть освобождены от личной ответственности только в том случае, если они докажут, что они являлись «пассивными акционерами» компании (см. ниже §§ 46 и 51). Наконец, Высший суд г. Любляны принял во внимание, что заявитель действительно подал ходатайство о ликвидации от имени компании L.E., но посчитал его не относящимся к делу, поскольку компания L.E. не внесла требуемую предоплату. В этой связи ее ходатайство было отклонено (см. выше §§ 15 и 18).

28. 5 мая 2006 г. заявитель подал две конституционные жалобы. В одной из них он утверждал, что решения, вынесенные в ходе производства по исключению компании L.E. из судебного реестра, были вручены только компании, а не ему лично, в другой он жаловался на результаты исполнительного производства в отношении него.

29. 31 января 2007 г. Конституционный суд Словении отклонил жалобу заявителя относительно производства по исключению компании из судебного реестра. Это решение было вручено заявителю 5 февраля 2007 года. Конституционный суд Словении установил, что заявитель не имел законного интереса в оспаривании данного производства, поскольку компания L.E. уже была исключена из судебного реестра. Следовательно, даже положительный результат по конституционной жалобе не мог улучшить положение заявителя.

30. 9 июля 2007 г. Конституционный суд Словении также отклонил жалобу в отношении исполнительного производства как явно необоснованную. Конституционный суд Словении решил, что нижестоящие суды правильно применили установленные им критерии для проведения различия между активными и пассивными акционерами при конкретных обстоятельствах дела заявителя.

31. В 2010 году судебное решение от 22 ноября 2000 г. было исполнено частично путем непосредственного вычета из заработной платы заявителя. 23 сентября 2011 г. заявитель заключил внесудебное соглашение с кредитором и выплатил ему согласованную сумму. Исполнительное производство в отношении заявителя было прекращено 28 сентября 2011 г. В совокупности заявитель выплатил компании «Словенские железные дороги» 32 795 евро. Остается неясным, какие суммы выплатили компании «Словенские железные дороги» другие акционеры компании L.E.

¹ Принцип, согласно которому акционеры могут быть привлечены к ответственности по обязательствам компании (*примеч. переводчика*).

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СЛОВЕНИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. ЗАКОН «О КОМПАНИЯХ» 1988 ГОДА¹

32. Закон «О компаниях» 1988 года вступил в силу в бывшей Социалистической Федеративной Республике Югославия, в состав которой в соответствующий период входила Словения, 1 января 1989 г. Данный закон представлял собой нормативно-правовую базу для владения компаниями: частные компании могли быть учреждены широким кругом инвесторов и иметь относительно низкий акционерный капитал. Указанный закон оставался в силе даже после получения Словенией независимости в 1991 году и был отменен только Законом «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года (см. ниже § 33).

В. ЗАКОН «О СУБЪЕКТАХ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» 1993 ГОДА²

33. Власти Словении приняли Закон «О субъектах хозяйственной деятельности» после обретения страной независимости. Этот закон действовал с 10 июля 1993 г. по 4 мая 2006 г. Он предусматривал создание двух основных видов компаний, акционеры которых, как правило, не несли ответственности перед кредиторами по обязательствам компаний: публичные компании с ограниченной ответственностью (*delniška družba*, зарегистрированные на фондовой бирже) и компании с ограниченной ответственностью (*družba z omejeno odgovornostjo*, не зарегистрированные на фондовой бирже). Акционерный капитал должен был составлять не менее 6 000 000 SIT для публичных компаний с ограниченной ответственностью и 2 100 000 SIT для компаний с ограниченной ответственностью (согласно статьям 172 и 410 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» соответственно)³. Поскольку компания, рассматриваемая в настоящем деле, была реорганизована из публичной компании с ограниченной ответственностью в компанию с ограниченной ответственностью

в 1995 году (см. выше § 13), далее изложены только те правовые нормы, которые применимы к последнему виду компаний.

34. Как отмечалось выше, акционеры компаний с ограниченной ответственностью, как правило, не несли ответственность перед кредиторами по обязательствам компаний (статья 407 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности»). Снятие корпоративной вуали разрешалось только в тех случаях, когда акционеры злоупотребили корпоративной формой для достижения цели, которая была запрещена для них как для физических лиц, или злоупотребили корпоративной формой, чтобы причинить ущерб их кредиторам, либо использовали активы компании в нарушение законодательства в своих личных целях либо уменьшили активы компании в свою пользу или в пользу другого лица при условии, что им было известно или должно было быть известно о том, что компания не сможет выполнить свои обязательства перед третьими лицами (статья 6 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности»). Подобные дела рассматриваются в общих судах.

35. Кроме того, акционеры компании с ограниченной ответственностью несли ответственность по долгам компании, если компетентный суд исключил компанию из судебного реестра по собственной инициативе в связи с тем, что ее деятельность не была приведена в соответствие с новыми правилами в течение около полутора лет с момента вступления в силу Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» (пункт 6 статьи 580 данного закона). 9 октября 2002 г. Конституционный суд Словении частично изменил эту норму, проведя различие между акционерами, которые активно участвовали в деятельности компании, и так называемыми пассивными акционерами. Конституционный суд Словении указал, что только активные бывшие акционеры могут быть привлечены к личной ответственности по долгам компании (см. ниже § 51).

36. В соответствии со статьей 413 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» директор компании должен был обеспечить регистрацию компании в судебном реестре. Статьи 47, 48 и 413 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» предусматривали, что заявление о регистрации в реестре должно было включать, *inter alia*, список акционеров, размеры их взносов и адрес зарегистрированного офиса компании. Кроме того, о любых изменениях сведений, внесенных в судебный реестр, было необходимо уведомлять регистрирующий суд в течение трех дней (в отношении списка акционеров и размеров их взносов) или в течение 15 дней (относительно зарегистрированного офиса компании).

37. Согласно статье 449 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» у компании с ограниченной ответственностью должен был быть как минимум один директор. Некоторые ключевые

¹ Закон «О компаниях» (*Zakon o podjetjih*) опубликован в «Официальном вестнике Социалистической Федеративной Республики Югославия» от 31 декабря 1988 г. № 77/88. Поправки к этому закону опубликованы в «Официальном вестнике Социалистической Федеративной Республики Югославия» №№ 40/89, 46/90 и 61/90.

² Закон «О субъектах хозяйственной деятельности» (*Zakon o gospodarskih družbah*) опубликован в «Официальном вестнике Республики Словения» от 10 июня 1993 г. № 30/93. Консолидированная версия закона опубликована в «Официальном вестнике Республики Словения» от 17 февраля 2005 г. № 15/05.

³ Согласно текущему курсу конвертации (см. сноску на с. 3 настоящего Постановления), это составляет 25 038 и 8 763 евро соответственно.

решения, касающиеся управления и деятельности компании (например, назначение директоров или распределение прибыли), должны были приниматься акционерами компании на общем собрании. Статья 445 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» предусматривала, что акционеры, чьи взносы в капитал составляли не менее одной десятой от общего размера акционерного капитала, могли потребовать созыва общего собрания. При этом они должны были указать вопросы, решения по которым должно было принять общее собрание, и причины созыва собрания. Кроме того, указанные акционеры также могли потребовать включения конкретного вопроса в повестку дня уже созванного общего собрания. В соответствии со статьей 446 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» директор компании должен был информировать акционеров о состоянии дел компании по их просьбе и предоставлять им доступ к документам и архиву компании.

38. Прекращение деятельности компаний регулировалось статьями 371–398 и 455–456 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности». Во-первых, компания могла принять специальную резолюцию о ликвидации. В этом случае требовалось большинство голосов, представляющих не менее трех четвертей акционерного капитала. Во-вторых, компания могла быть ликвидирована по решению суда, *inter alia*, при уменьшении ее акционерного капитала ниже установленного законом уровня или при ее неспособности оплатить свои долги. В-третьих, любой акционер, доля участия которого составляла не менее одной десятой от общего акционерного капитала, мог подать иск в компетентный суд с требованием о ликвидации компании, если этот акционер считал, что цели компании не могут быть достигнуты в достаточной степени либо при наличии иных разумных оснований для прекращения деятельности компании. В любом из указанных случаев кредиторы компании имели право уведомить ликвидатора о своих требованиях и добиваться исполнения своих требований за счет активов компании. Наконец, акционеры компании могли прекратить деятельность компании, не ликвидируя ее, потребовав исключения ее из судебного реестра и приложив к их ходатайству нотариально заверенное заявление от имени всех акционеров о том, что все обязательства компании выполнены, любые споры с сотрудниками урегулированы и что акционеры взяли на себя солидарную ответственность за любые непогашенные долги компании. В отличие от изложенной выше процедуры ликвидации кредиторы не имели права на принудительное исполнение своих требований в рамках процедуры исключения из судебного реестра компаний. Вместо этого они могли добиваться исполнения своих требований за счет бывших акционеров исключенной из реестра компании в течение одного года с момента публи-

кации уведомления об исключении из судебного реестра компаний.

39. Согласно пункту 2 статьи 436 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» любой акционер компании мог выйти из состава компании при наличии достаточных для этого оснований.

С. ЗАКОН «О ПРИНУДИТЕЛЬНОМ УРЕГУЛИРОВАНИИ, БАНКРОТСТВЕ И ЛИКВИДАЦИИ» 1993 ГОДА¹

40. Закон «О принудительном урегулировании, банкротстве и ликвидации» действовал с 1 января 1994 г. по 1 октября 2008 г. В 1997 году законодательный орган отреагировал на проблему большого количества «спящих» и неплатежеспособных компаний, внося изменения в указанный закон. Поправка от 1 июля 1997 г., внесенная в данный закон, позволила судам по собственной инициативе возбуждать процедуру ликвидации компаний, которые не выплачивали заработную плату в течение трех месяцев подряд, являлись неликвидными в течение 12 месяцев подряд либо счета которых были заблокированы. Неплатежеспособные компании, которые сами инициировали процедуру ликвидации, должны были внести предоплату, покрывающую расходы на публикацию приказа о ликвидации в «Официальном вестнике Республики Словения». Положения о процедуре ликвидации по инициативе суда были отменены другой поправкой к указанному закону, которая вступила в силу 1 июля 1999 г., после того, как было установлено, что такой порядок работы со «спящими» компаниями нецелесообразен ввиду их большого количества (на начало 1999 года было более 6 000 «спящих» компаний) и высокой стоимости возбуждения процедуры ликвидации, которую должно было нести государство (около 900 000 000 SIT² на подготовительную работу в рамках FOCA).

Д. ЗАКОН «О ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИЙ» 1999 ГОДА (FOCA)³

41. Закон «О финансовой деятельности компаний» действовал с 23 июля 1999 г. по 15 января

¹ Закон «О принудительном урегулировании, банкротстве и ликвидации» (*Zakon o prisilni poravnavi, stečaju in likvidaciji*) опубликован в «Официальном вестнике Республики Словения» от 17 декабря 1993 г. № 67/93. Поправки к этому закону опубликованы в «Официальном вестнике Республики Словения» №№ 39/97 и 52/99.

² Согласно текущему курсу конвертации (см. сноску на с. 3 настоящего Постановления), это составляет около 3 756 000 евро.

³ Закон «О финансовой деятельности компаний» (*Zakon o finančnem poslovanju podjetij*) опубликован в «Официальном вестнике Республики Словения» от 8 июля 1999 г. № 54/99. Поправки к этому закону опубликованы в «Официальном вестнике Республики Словения» №№ 110/99 и 31/07.

2008 г. Он ввел новые способы работы со «спящими» компаниями. Законодательный орган отметил, что большое количество частных компаний не могли выполнять свои обязательства, что способствовало плохой финансовой дисциплине при осуществлении корпоративных сделок и создавало риски для кредиторов – юридических лиц. Действительно, из подготовительной работы, связанной с принятием Закона «О финансовой деятельности компаний», следует, что 28 февраля 1999 г. у 6 587 компаний были заблокированы счета на срок более одного года, их долги составили 84 452 000 000 SIT¹, а 6 083 из указанных компаний (92%) не имели в своем штате 30 сотрудников. По этим причинам Закон «О финансовой деятельности компаний» обязал компании вести свою деятельность таким образом, чтобы они при любых обстоятельствах могли своевременно выполнять свои обязательства (статья 5). Кроме того, компании должны были поддерживать достаточный капитал пропорционально объему и виду сделок и деятельности, которую они осуществляли, а также рискам, которым они подвергались (статья 6 Закона «О финансовой деятельности компаний»). В этой связи руководство компании должно было гарантировать, что компания осуществляет свою деятельность в соответствии с законодательством и принципами финансовой деятельности (статья 8 Закона «О финансовой деятельности компаний»), регулярно отслеживает риски, возникающие при осуществлении данной деятельности, и принимает надлежащие меры для хеджирования таких рисков (статья 9 Закона «О финансовой деятельности компаний»).

42. Если компания становится неликвидной и, следовательно, она не в состоянии своевременно исполнять свои обязательства, руководство компании должно принять необходимые меры для восстановления ликвидности компании и при отсутствии результатов таких мер в течение следующих двух месяцев подать ходатайство о ликвидации (статья 12 Закона «О финансовой деятельности компаний»). Аналогичным образом, если компания стала неплатежеспособной и ее активов более недостаточно для погашения обязательств, руководство компании обязано подать ходатайство о ее ликвидации не позднее чем в течение двух месяцев (статья 13 Закона «О финансовой деятельности компаний»). Если руководящие сотрудники не исполняют указанные обязанности, они могут быть привлечены к личной ответственности за любой ущерб, причиненный кредиторам компании в результате неисполнения этого требования. Кроме того, при определенных условиях наблюдательный совет и акционеры компании также могут нести личную ответственность за любой ущерб,

причиненный кредиторам (статьи 19–22 Закона «О финансовой деятельности компаний»).

43. Компании, которые не выполнили установленные процедуры для восстановления платежеспособности или для прекращения своей деятельности в случае несостоятельности, должны были систематически исключаться из судебного реестра компаний без предварительной процедуры ликвидации. Это позволяло прекращать деятельность компаний без сбора и использования их активов для выплат кредиторам. Процедура исключения из реестра должна была быть инициирована, если, *inter alia*, можно было предположить, что у соответствующей компании не было активов. Считалось, что это так, если компания не осуществляла деятельность по своему зарегистрированному счету в течение 12 месяцев подряд (статья 25 Закона «О финансовой деятельности компаний»). Организации, осуществляющие платежные операции в интересах компаний, должны были информировать компетентный регистрирующий суд о наличии таких обстоятельств в течение месяца с момента их возникновения (пункт 2 статьи 26 Закона «О финансовой деятельности компаний»).

44. Регистрирующий суд должен был начать процедуру исключения из судебного реестра по собственной инициативе, установив, что условия для исключения компании из реестра были выполнены. Решение о возбуждении процедуры исключения из реестра должно было быть вручено соответствующей компании и зарегистрировано в судебном реестре (статья 29 Закона «О финансовой деятельности компаний»). Возражения могли быть поданы в течение двух месяцев самой компанией, ее акционером или кредитором на основании того, что (i) условия для исключения были определены ошибочно или были неполными, (ii) была инициирована иная процедура прекращения деятельности компании, в частности, процедура ликвидации, или (iii) было подано ходатайство о ликвидации от имени компании и была сделана предоплата либо заявитель был освобожден от такого платежа (статья 30 Закона «О финансовой деятельности компаний»).

45. При отсутствии возражений относительно решения о начале процедуры исключения из реестра или при отклонении таких возражений регистрирующий суд должен вынести решение об исключении компании из судебного реестра. Данное решение должно было быть вручено соответствующей компании и опубликовано в «Официальном вестнике Республики Словения» (статьи 32 и 33 Закона «О финансовой деятельности компаний»). Указанное решение могло быть обжаловано соответствующей компанией в течение 30 дней после его вручения компании либо акционерами или кредиторами компании в течение 30 дней после его публикации в «Официальном вестнике Республики Словения» (статья 34 Закона

¹ Согласно текущему курсу конвертации (см. сноску на с. 3 настоящего Постановления), это составляет около 352 412 000 евро.

«О финансовой деятельности компаний»). Если решение об исключении компании из реестра не было обжаловано или если подобная жалоба была отклонена, решение вступало в силу, и регистрирующий суд исключал компанию из судебного реестра, и соответствующее уведомление должно было быть опубликовано в «Официальном вестнике Республики Словения» (статья 35 Закона «О финансовой деятельности компаний»).

46. В целях обеспечения защиты кредиторов, исключенных из судебного реестра компаний, FOCA предусматривал личную ответственность акционеров компаний. В соответствии с пунктом 4 статьи 27 FOCA во взаимосвязи со статьей 394 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года акционеры компании согласились принимать на себя солидарную ответственность за любые непогашенные долги исключенной из реестра компании. Кредиторы компании могли подавать иски против акционеров в течение года после публикации уведомления об исключении компании в «Официальном вестнике Республики Словения».

47. Вследствие широкомасштабных последствий FOCA положения о мерах, которые должны были быть приняты для обеспечения того, чтобы компания обладала достаточным капиталом и была платежеспособной, стали применяться через шесть месяцев после вступления Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» в силу. Положения, регулирующие процедуру исключения из реестра, вступили в силу еще позднее. Таким образом, предположение о том, что компания не имеет активов, начинало действовать только после того, как компания не осуществляла платежи по своему банковскому счету в течение 12 месяцев подряд после вступления в силу Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» (а именно 23 июля 2000 г.).

48. Регулирование, введенное FOCA, было оспорено в Конституционном суде Словении многими бывшими акционерами исключенных из судебного реестра компаний. 9 октября 2002 г. Конституционный суд Словении частично отклонил жалобу (см. Постановление № U-I-135/00), решив, что мера по исключению из судебного реестра «спящих» компаний, которые не вели деятельность и у которых не было активов, соответствовала Конституции Словении. Экономически неактивная компания не осуществляла хозяйственные операции, не приносила доход и не производила платежи. В то же время ее финансовое положение не было известно ее кредиторам, руководствовавшимся презумпцией, согласно которой компания обладала активами хотя бы в минимальном размере. По указанным причинам компании, не ведущие деятельность, создавали угрозу безопасности для корпоративных правовых сделок и положения кредиторов.

49. Истцы также утверждали, что они не могли эффективно защитить свои права в ходе процеду-

ры исключения из судебного реестра, поскольку решения о возбуждении такой процедуры и об исключении из реестра не были вручены им лично. В ответ на указанный довод Конституционный суд Словении постановил, что вручение решений компании в совокупности с публикацией объявлений в судебном реестре или в «Официальном вестнике Республики Словения» могло считаться надлежащим способом уведомления. Конституционный суд Словении отметил, что данная мера была применима к различным формам компаний, часть из которых находилась во владении множества акционеров. Личное вручение решений было бы слишком трудоемким, а в некоторых случаях невозможным.

50. Что касается личной ответственности бывших акционеров, Конституционный суд Словении подтвердил, что в принципе они могут рассчитывать на то, что их ответственность по обязательствам компании не превысит размера их взносов в капитал. При этом компании должны были гарантировать, что они осуществляют деятельность при наличии достаточного капитала, который не находится ниже установленного законом уровня. Компании с недостаточным капиталом были экономически слабее компаний, которые осуществляли свою деятельность в соответствии с законом, что влияло на общую безопасность правовых сделок. Конституционный суд Словении указал следующее:

«...37. С учетом вышеизложенного введение меры по снятию корпоративной вуали действительно позволило обеспечить максимально возможную защиту находящегося под угрозой правового блага, кредиторов и общую безопасность правовых сделок. Положение акционеров компании ухудшилось в силу преобладающего общего интереса (защиты кредиторов). Об ухудшении положения было известно заранее, и его причины находились под полным контролем компаний и/или их акционеров. У них было достаточно времени, чтобы приспособиться к новым требованиям и избежать ухудшения своего правового положения. В связи с этим снятие корпоративной вуали на основании вышеупомянутых причин не является нарушением принципа верховенства права...»

49. ... Действительно, необходимость дополнительной защиты кредиторов еще сильнее проявляется ввиду положений [FOCA], который не предусматривает каких-либо процедур для обеспечения выплат кредиторам в случае прекращения деятельности компаний и в случае потенциальной чрезмерной задолженности компаний, а также каких-либо процедур как минимум для обеспечения обычной ответственности компаний с ограниченной ответственностью (а именно, чтобы требования возмещались из активов компаний и чтобы обеспечивалось равенство кредиторов компаний)...».

51. Вместе с тем Конституционный суд Словении признал разнообразие правовых и фактических ситуаций акционеров, исключенных из судебного реестра компаний, и установил различие между «активными акционерами», которые могли

повлиять на деятельность компании, и «пассивными акционерами», которые не оказывали такого влияния. Конституционный суд Словении поддержал Закон «О субъектах хозяйственной деятельности» в той мере, в какой он применялся к первой категории акционеров, но отменил его в отношении пассивных акционеров. Согласно указанному Постановлению Конституционного суда Словении суды, принимающие решение о личной ответственности бывших акционеров, должны были прежде всего установить, оказал ли отдельный акционер какое-либо влияние на деятельность рассматриваемой компании. Суды Словении должны были проводить свою оценку на основе ряда критериев, в частности, вида компании (публичная компания с ограниченной ответственностью или компания с ограниченной ответственностью), статуса акционера (физическое или юридическое лицо) и внутренних отношений между акционерами. Кроме того, суды, рассматривая вопрос о личной ответственности, могли принимать во внимание общие критерии в отношении снятия корпоративной вуали, изложенные в Законе «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года (см. выше § 34). Что касается различия между публичной компанией с ограниченной ответственностью (*delniška družba*) и компанией с ограниченной ответственностью (*družba z omejeno odgovornostjo*), такой как компания L.E., Конституционный суд Словении указал, в частности, следующее:

«...44. Акционеры компаний с ограниченной ответственностью находятся в другом положении по сравнению с руководством компаний... Как правило, в [компаниях с ограниченной ответственностью] большее количество акционеров имеют более тесные связи с компанией (в отличие от публичных компаний с ограниченной ответственностью, характеризующихся большей автономией управления и меньшей значимостью общего собрания). Директор компании с ограниченной ответственностью подчиняется ее акционерам, так как они назначают и освобождают от должности директора. Акционеры также имеют право доступа к информации, касающейся компании, и к документам компании, что позволяет им ответственно участвовать в управлении деятельностью компании. Управление компанией представляет собой предусмотренное законом, основанное на членстве и договоре право акционеров компании. Акционеры по отдельности обладают правом управления компанией, при этом общее собрание представляет собой лишь форму принятия решений и даже не является обязательным. Требование о поддержании акционерного капитала относится к одному из основных обязательств акционеров компании [сноска: Поддержание акционерного капитала предотвращает, *inter alia*, уменьшение капитала компаний. К компаниям с недостаточным капиталом может быть применена санкция в виде снятия корпоративной вуали в отношении их акционеров]».

52. Установив, что FOCA предполагает вмешательство в ряд принципов корпоративного права и имеет далеко идущие и неблагоприятные послед-

ствия для положения бывших акционеров, исключенных из судебного реестра компаний, законодатель в 2007 году решил внести поправки в Закон «О субъектах хозяйственной деятельности» и освободить акционеров компаний от несения личной ответственности по долгам компании. Поправка к FOCA предусматривала, что все незавершенные судебные и административные разбирательства, в ходе которых кредиторы исключенных из судебного реестра компаний предъявляли требования к бывшим акционерам компаний, должны были систематически прекращаться. Ряд кредиторов, дела которых против акционеров, исключенных из судебного реестра компаний, находились на рассмотрении и которые, таким образом, могли потерять возможность получения выплаты, оспорили данную поправку. Конституционный суд Словении удовлетворил их жалобу и отменил оспариваемые положения, установив, что они не обеспечивали надлежащей защиты интересов кредиторов (Постановление от 21 июня 2007 г. № U-I-117/07). В частности, Конституционный суд Словении указал следующее (§§ 15–17):

«...15. ...В отсутствие ликвидации компании последствия освобождения активных акционеров от неограниченной солидарной ответственности, как предусмотрено [оспариваемой поправкой], заключаются в том, что после исключения таких компаний из судебного реестра отсутствует какая-либо процедура, гарантирующая как минимум стандартную ответственность компаний с ограниченной ответственностью (то есть удовлетворение требований за счет активов компаний и обеспечение равенства кредиторов).

16. Власти Словении утверждали, что кредиторы могут защитить свои права с помощью иных средств, таких как представление ходатайства о ликвидации. Однако после возбуждения производства об исключении компании из судебного реестра ходатайство о ликвидации более не может быть подано...

17. Таким образом, Конституционный суд Словении полагает, что в отношении прекращения деятельности компании путем исключения ее из судебного реестра без ликвидации законодательный орган не предусмотрел процедуру, которая обеспечила бы... защиту кредиторов компании...».

Е. ЗАКОН «О ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ЛИКВИДАЦИИ» 2007 ГОДА¹

53. Закон «О финансовой деятельности, несостоятельности и принудительной ликвидации» дей-

¹ Закон «О финансовой деятельности, несостоятельности и принудительной ликвидации» (*Zakon o finančnem poslovanju, postopkih zaradi insolventnosti in prisilnem prenehanju*) опубликован в «Официальном вестнике Республики Словения» от 31 декабря 2007 г. № 126/07. Редакция данного закона со всеми изменениями и дополнениями была опубликована в «Официальном вестнике Республики Словения» № 13/14, а последующие изменения – в «Официальном вестнике Республики Словения» №№ 10/15 и 27/16.

ствуется с 15 января 2008 г. Он был принят в целях замены FOCA. Он также предусматривает возможность исключения компании из судебного реестра без ликвидации, но на несколько иных условиях.

Ф. ЗАКОН «ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ» 2011 ГОДА¹

54. Закон «Об ответственности по обязательствам юридических лиц» вступил в силу 17 ноября 2011 г. Он вновь освободил бывших акционеров исключенных из судебного реестра компаний от личной ответственности по долгам компаний. Поскольку законодательные решения, предусмотренные данным законом, были аналогичны тем, что предусматривались поправкой к FOCA (см. выше § 52), Конституционный суд Словении вновь был вынужден принимать решение о том, обеспечивает ли Закон «Об ответственности по обязательствам юридических лиц» справедливый баланс между интересами бывших акционеров исключенных из судебного реестра компаний и их кредиторов. Конституционный суд Словении постановил, что, если требования кредитора были признаны судебным решением или производство по делу еще не завершено, а также в тех случаях, когда кредитор еще не подал иск против бывших акционеров исключенной из судебного реестра компании, но у него имелись законные ожидания в отношении такой возможности, отсутствовали какие-либо допустимые с точки зрения конституции основания для вмешательства в закрепленные за кредитором права. Однако Конституционный суд Словении допустил освобождение от ответственности в отношении акционеров компаний, которые были исключены из реестра после вступления в силу указанного закона.

Г. ЗАКОН «О СУДЕБНЫХ ПРОИЗВОДСТВАХ В ОТНОШЕНИИ АКЦИОНЕРОВ ИСКЛЮЧЕННЫХ ИЗ СУДЕБНОГО РЕЕСТРА КОМПАНИЙ» (ЗАКОН «О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА») 2018 ГОДА²

55. Закон «О судебных производствах в отношении акционеров исключенных из судебного реестра компаний» вступил в силу 27 апреля 2018 г.,

¹ Закон «Об ответственности по обязательствам юридических лиц» (*Zakon o postopkih za uveljavitev ali odpustitev odgovornosti družbenikov za obveznosti izbrisanih gospodarskih družb*) опубликован в «Официальном вестнике Республики Словения» от 2 ноября 2011 г. № 87/11.

² Закон «О судебных производствах в отношении акционеров, исключенных из судебного реестра компаний» (*Zakon o prekinitvi postopkov proti družbenikom izbrisanih družb*) опубликован в «Официальном вестнике Республики Словения» от 26 апреля 2018 г. № 30/18.

приостановив все судебные производства в отношении акционеров исключенных из реестра компаний, которые были возбуждены в соответствии с FOCA или Законом «О финансовой деятельности, несостоятельности и принудительной ликвидации» 2007 года до вынесения решения по настоящему делу. Если Европейский Суд примет окончательное решение об отсутствии нарушения Конвенции в настоящем деле, то судебные производства будут возобновлены.

III. МАТЕРИАЛЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

56. Стороны по делу и Мальтийский институт управления предоставили информацию о правовом режиме, который применялся в отношении ответственности акционеров компаний с ограниченной ответственностью по долгам компаний в пяти бывших республиках СФРЮ, кроме Словении³ (а именно в Боснии и Герцеговине, Хорватии, Черногории, Сербии и Македонии), а также в Австрии, Чешской Республике, Эстонии, Германии, Италии, на Мальте, в Нидерландах, Польше, Румынии, Российской Федерации и Швеции. В большинстве стран (включая все бывшие республики СФРЮ) внутригосударственное законодательство (статутное или прецедентное право) предусматривало снятие корпоративной вуали в случае злоупотребления корпоративной формой. Основания для снятия корпоративной вуали соответствовали тем, что были перечислены в статье 6 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года (см. выше § 34): акционеры злоупотребили корпоративной формой для достижения цели, которая была запрещена для них как для физических лиц, либо злоупотребили корпоративной формой, чтобы причинить ущерб их кредиторам, или если они использовали активы компании в нарушение законодательства в своих личных целях либо акционеры уменьшили активы компании в свою пользу или в пользу другого лица при условии, что им было известно или должно было быть известно о том, что компания не сможет выполнить свои обязательства перед третьими лицами.

Кроме того, в Сербии акционеры, владеющие контрольной долей в компании с ограниченной ответственностью, которая была исключена из реестра по инициативе суда, несли ответственность по долгам компании независимо от того, злоупотребляли ли они корпоративной формой или нет.

³ Бывшая Социалистическая Федеративная Республика Югославия состояла из шести республик: Боснии и Герцеговины, Хорватии, Македонии, Черногории, Сербии и Словении, — а также из двух автономных краев, Косово и Воеводины. Распад СФРЮ произошел в 1991–1992 годах (см. Заключение № 11 Арбитражной комиссии Международной конференции по бывшей Югославии, Комиссия Бадинтера).

ПРАВО

57. Заявитель жаловался на то, что невручение ему лично решений, принятых в рамках производства по исключению компании L.E. из судебного реестра, являлось нарушением его права на доступ к суду в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции. Указанная статья Конвенции в соответствующей части гласит:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

Ссылаясь на статью 1 Протокола № 1 к Конвенции, заявитель по сути оспаривал свою личную ответственность по долгам компании L.E. Данная статья предусматривает следующее:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права Государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

I. ПРЕДЕЛЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА БОЛЬШОЙ ПАЛАТОЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

58. Власти Словении утверждали, что в настоящем деле Большая Палата Европейского Суда должна рассмотреть только вопрос об исключении компании L.E. из судебного реестра, а не жалобу заявителя на его ответственность по долгам компании L.E. Последний вопрос Большая Палата Европейского Суда должна рассмотреть в рамках другого разбирательства, которое заявитель инициировал в соответствии с Конвенцией (жалоба № 3292/08). Власти Словении добавили, что они не были уведомлены о последней жалобе.

59. Заявитель не представил каких-либо комментариев по данному вопросу.

60. Европейский Суд неоднократно указывал, что «дело», переданное в Большую Палату Европейского Суда, охватывает все аспекты рассматриваемой ею жалобы (см. среди прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «K. и T. против Финляндии» (K. and T. v. Finland), жалоба № 25702/94, §§ 140–141, ECHR 2001-VII). Хотя заявитель действительно подал две жалобы в Европейский Суд и его доводы на привлечение к ответственности изложены более подробно во второй, заявитель обозначил свою жалобу на привлечение к ответственности уже в настоящем

деле, Европейский Суд уведомил об этом власти Словении, и Палата Европейского Суда рассмотрела указанную жалобу в своем Постановлении. Ввиду вышеизложенного в компетенцию Большой Палаты Европейского Суда также входит рассмотрение указанного вопроса.

II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ВЛАСТЕЙ СЛОВЕНИИ

A. ПРОИЗВОДСТВО ПО ИСКЛЮЧЕНИЮ КОМПАНИИ L.E. ИЗ СУДЕБНОГО РЕЕСТРА

1. Доводы сторон

61. Власти Словении утверждали, что конституционная жалоба не являлась эффективным средством правовой защиты в отношении производства по исключению компании из судебного реестра и по этой причине не могла использоваться в качестве начала отсчета шестимесячного срока для подачи жалобы в Европейский Суд. В этой связи власти Словении подчеркнули, что процедура исключения компании L.E. из судебного реестра и последующее исполнительное производство в отношении заявителя были полностью независимы друг от друга. Что касается последнего аспекта, то в отличие от первого оно было инициировано не по инициативе суда, а по ходатайству кредитора компании L.E. Кроме того, исход исполнительного производства не мог повлиять на результат процедуры исключения из реестра: даже если бы суд, ведущий исполнительное производство, признал заявителя пассивным акционером (что освободило бы его от ответственности), компания L.E. не была бы восстановлена в судебном реестре.

62. Заявитель утверждал, что конституционная жалоба в принципе являлась эффективным средством правовой защиты, и ссылаясь на вывод Палаты Европейского Суда по настоящему делу о том, что Конституционный суд Словении не отклонил его жалобу как поданную с нарушением сроков.

2. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

63. В соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции Европейский Суд может «на любой стадии разбирательства» отклонить жалобу, которую он сочтет неприемлемой. Таким образом, даже на стадии рассмотрения дела по существу Европейский Суд может пересмотреть решение о приемлемости жалобы, если он придет к выводу о том, что она должна быть объявлена неприемлемой по одному из оснований, предусмотренных в первых трех пунктах статьи 35 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Азинас против Кипра» (Azinas v. Cyprus), жалоба № 56679/00, § 32, ECHR 2004-III, и Постановление Большой Палаты

Европейского Суда по делу «Сабри Гунеш против Турции» (Sabri Güneş v. Turkey) от 29 июня 2012 г., жалоба № 27396/06, §§ 28–31). Соответственно, Большая Палата Европейского Суда имеет юрисдикцию для рассмотрения вопроса о соблюдении правила о шестимесячном сроке для подачи жалобы.

64. Цель правила о шестимесячном сроке для подачи жалобы согласно пункту 1 статьи 35 Конвенции состоит в том, чтобы обеспечить правовую определенность, гарантируя рассмотрение связанных с Конвенцией вопросов в разумные сроки, а также гарантируя, что прошлые решения не подлежат постоянному обжалованию. Данное правило устанавливает временные пределы надзора, осуществляемого органами Конвенции, и указывает физическим лицам и государственным органам период, по истечении которого такой надзор более невозможен (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сабри Гунеш против Турции», §§ 39–40).

65. Требования, содержащиеся в пункте 1 статьи 35 Конвенции, которые касаются необходимости исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты и соблюдения правила о шестимесячном сроке, тесно взаимосвязаны, поскольку они не только объединены в одной статье, но и выражены в одном предложении, грамматическая конструкция которого подразумевает данную взаимосвязь. Следовательно, как правило, шестимесячный срок начинает течь с даты принятия окончательного решения в процессе исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты. Пункт 1 статьи 35 Конвенции не может быть истолкован таким образом, который требует от заявителя информировать Европейский Суд о своей жалобе до того, как его спор в связи с этим вопросом будет окончательно урегулирован на внутригосударственном уровне, в противном случае будет нарушен принцип субсидиарности. Однако это положение позволяет принимать во внимание только такие средства правовой защиты, которые являются практическими и эффективными, поскольку заявитель не может продлевать строгий срок, установленный Конвенцией, стремясь подать ненадлежащие или ошибочные жалобы в органы или учреждения, которые не имеют полномочий и компетенции, чтобы предложить эффективное восстановление нарушенных прав по жалобе в рамках Конвенции (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лопеш де Соуза Фернандеш против Португалии» (Lopes de Sousa Fernandes v. Portugal) от 19 декабря 2017 г., жалоба № 56080/13¹, §§ 130–132). Следовательно, если заявитель воспользовался средством правовой защиты, которое изначально было обречено на неудачу, решение по

этой апелляционной жалобе не может быть принято во внимание в целях исчисления шестимесячного срока (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Йеронович против Латвии» (Jeronovičs v. Latvia) от 5 июля 2016 г., жалоба № 44898/10², § 75).

66. В Постановлении Палаты Европейского Суда возражения властей Словении в отношении правила о шестимесячном сроке были отклонены, поскольку жалоба была подана в течение шести месяцев после вручения решения Конституционного суда Словении, касающегося процедуры исключения из судебного реестра.

67. Европейский Суд напоминает, что в делах против Словении заявители в принципе должны подавать конституционные жалобы до обращения в Европейский Суд (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Курич и другие против Словении» (Kurić and Others v. Slovenia), жалоба № 26828/06, § 296, ECHR 2012). В настоящем деле постановление Конституционного суда Словении об отклонении конституционной жалобы заявителя было вынесено 31 января 2007 г. и вручено заявителю 5 февраля 2007 г. Заявитель подал жалобу в Европейский Суд 4 августа 2007 г., то есть в течение шести месяцев с момента получения им соответствующего постановления Конституционного суда.

68. Европейский Суд отмечает, что заявителю стало известно о решении об исключении компании из судебного реестра 22 декабря 2004 г. и что он подал конституционную жалобу на это решение 5 мая 2006 года. Европейский Суд не может строить предположения о том, была ли конституционная жалоба заявителя подана с нарушением сроков в соответствии с законодательством Словении, и была ли она по этой причине обречена на неудачу изначально, учитывая, что Конституционный суд Словении не отклонил его жалобу как поданную с нарушением срока (см. выше § 29). По вышеуказанной причине Европейский Суд не может согласиться с тем, что конституционная жалоба заявителя не должна приниматься во внимание в целях исчисления шестимесячного срока для подачи жалобы.

69. Соответственно, Большая Палата Европейского Суда отклоняет предварительное возражение властей Словении в этой части.

В. ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ОТНОШЕНИИ ЗАЯВИТЕЛЯ

1. Доводы сторон

70. Власти Словении утверждали, что заявитель не мог считаться жертвой нарушения Конвенции,

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 6 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 6 (примеч. редактора).

поскольку он достиг соглашения со своим кредитором в 2011 году и выплатил долг.

71. Заявитель не представил каких-либо комментариев по данному вопросу.

2. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

72. Большая Палата Европейского Суда отмечает, что в Постановлении Палаты Европейского Суда возражение властей Словении относительно статуса жертвы заявителя было отклонено, так как до урегулирования спора заявитель использовал все доступные ему внутригосударственные средства правовой защиты для оспаривания своей ответственности по выплате соответствующего долга. Кроме того, он подал настоящую жалобу в Европейский Суд. По словам заявителя, условия соглашения были более благоприятны для него, чем возложение ответственности согласно законодательству Словении, и он принял соглашение, чтобы избежать понесения им большего ущерба. Большая Палата Европейского Суда не находит оснований, чтобы не согласиться с данным выводом. Действительно, сам факт того, что заявитель исполнил возложенную на него обязанность, не лишает его статуса жертвы по смыслу статьи 34 Конвенции.

73. Соответственно, Большая Палата Европейского Суда отклоняет предварительное возражение властей Словении в этой части.

III. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

A. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

74. Палата Европейского Суда постановила, что ответственность заявителя за выплату долгов его компании может рассматриваться как наказание за неспособность, будучи акционером, оказывающим влияние на хозяйственную деятельность компании, исполнить корпоративные обязательства компании, акционером которой он являлся. Таким образом, оспариваемая мера представляла собой меру государственного контроля за функционированием рынка, корпоративными практиками и управлением корпоративным имуществом. Однако принимая во внимание жалобу на процедуру исключения компании из реестра, Палата Европейского Суда решила рассмотреть настоящее дело в свете общего правила, изложенного в статье 1 Протокола № 1 к Конвенции.

75. Что касается требования законности, Палата Европейского Суда пришла к заключению, «что регулирование, предусмотренное ФОСА и измененное Конституционным судом

Словении, было доступным и предсказуемым. Следовательно, оспариваемая мера имела достаточные правовые основания в законодательстве Словении, чтобы соответствовать требованиям статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции». Кроме того, принимая во внимание вывод о том, что надлежащая осмотрительность, которая требовалась от заявителя, позволила бы ему эффективно участвовать в процедуре исключения компании из судебного реестра, Палата Европейского Суда приняла прагматичный подход властей Словении к вручению документов в рамках процедуры исключения из реестра, особенно с учетом того, что вручение документов компаниям сопровождалось относительно длительными сроками подачи апелляционных жалоб на возбуждение процедуры исключения из судебного реестра, а также на сами решения об этих исключениях. Палата Европейского Суда установила, что в рамках процедуры исключения из судебного реестра заявителю были предоставлены достаточные процессуальные гарантии. Следовательно, данная процедура была законной по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

76. По мнению Палаты Европейского Суда, ФОСА представлял собой попытку восстановить стабильность на коммерческом рынке и, соответственно, преследовал правомерную цель.

77. Что касается соразмерности оспариваемой меры, Палата Европейского Суда постановила, что игнорирование корпоративного права со стороны компании L.E. и принципов надлежащего корпоративного управления требовало от властей Словении серьезной реакции, включая возложение личной ответственности на любого акционера, который был признан ответственным за нарушения в работе компании. В этой связи Палата Европейского Суда сослалась, *inter alia*, на недостаточную капитализацию, длительную несостоятельность и бездействие со стороны руководства компании (см., в частности, §§ 122–128 Постановления Палаты Европейского Суда). Палата Европейского Суда также отметила, что последствия уменьшения капитала ниже установленного законом порогового уровня и, в конечном счете, его полного исчерпания в совокупности с неспособностью в течение длительного времени возбудить процедуру ликвидации оказали значительное негативное влияние на положение кредитора компании. Палата Европейского Суда пришла к выводу, что «ввиду широких пределов усмотрения, предоставленных Договаривающимся Государствам в вопросах систем экономической политики... оспариваемая мера не представляла собой чрезмерного индивидуального бремени для заявителя в конкретных обстоятельствах настоящего дела». Соответственно, по делу не было допущено нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

В. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Заявитель

78. Как было указано выше, заявитель жаловался на то, что невручение ему лично решений, принятых в рамках производства по исключению компании L.E. из судебного реестра, являлось нарушением его права на доступ к суду по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции. Он подчеркивал, что его адрес, указанный в судебном реестре, был правильным. Действительно, уведомления, принятые в ходе гражданского разбирательства между компаниями «Словенские железные дороги» и L.E., были вручены заявителю по указанному адресу без каких-либо сложностей (см. выше § 11). Таким образом, в настоящем деле отсутствовали какие-либо основания для вручения решений, вынесенных в ходе производства по исключению компании L.E. из реестра, только самой компании с учетом того, что эта компания прекратила свою деятельность за четыре года до ее исключения из судебного реестра. Заявитель ссылался на ряд постановлений Европейского Суда, в которых было признано нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с отсутствием личного вручения судебных документов, например, на Постановления Европейского Суда по делам «Диас Очоа против Испании» (*Díaz Ochoa v. Spain*) от 22 июня 2006 г., жалоба № 423/03, «Компания “Эс. Си. Раиса М. Шиппинг С.р.л.” против Румынии» (*S.C. Raisa M. Shipping S.r.l. v. Romania*) от 8 января 2013 г., жалоба № 37576/05, «Заводник против Словении» (*Zavodnik v. Slovenia*) от 21 мая 2015 г., жалоба № 53723/13, «Аждайич против Словении» (*Aždajić v. Slovenia*) от 8 октября 2015 г., жалоба № 71872/12.

79. Заявитель также утверждал, что решение о его привлечении к личной ответственности по долгам компании L.E., принятое в контексте исполнительного производства, инициированного в отношении него компанией «Словенские железные дороги», представляло собой вмешательство в его право на уважение собственности, гарантированное статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Более конкретно: его привлечение к личной ответственности представляло собой меру контроля за использованием собственности в целях второго параграфа указанной статьи. Тем не менее заявитель просил Европейский Суд рассмотреть его жалобу на привлечение к ответственности в более широком контексте, включая, в частности, решение 2001 года об исключении компании L.E. из судебного реестра, в свете общего правила, установленного статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции.

80. По мнению заявителя, оспариваемая мера была незаконной, поскольку законодательство Словении не было достаточно точным и предсказуемым. В отношении требования предсказуемости заявитель утверждал, что при вступлении ФОСА

в силу отсутствовала ясность относительно того, что в итоге он может нести личную ответственность по долгам компании L.E. Действительно, ФОСА прямо не устанавливал такую ответственность, а лишь содержал ссылку на другой законодательный акт: согласно пункту 4 статьи 27 ФОСА подразумевалось, что акционеры компании, исключенной из реестра в соответствии с ФОСА, сделали заявление, предусмотренное пунктом 1 статьи 394 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года, который в свою очередь предусматривал, что компания может быть исключена из судебного реестра по ходатайству ее акционеров без процедуры ликвидации при условии, что ее акционеры подали нотариально заверенное заявление о том, что все обязательства компании выполнены, любые споры с сотрудниками урегулированы и что акционеры приняли на себя солидарную ответственность по любым возможным непогашенным обязательствам компании. Что касается требования точности, заявитель отмечал, что критерии, установленные Конституционным судом Словении в его Постановлении от 2002 года, были весьма не ясны. Заявитель добавил, что оспариваемый режим личной ответственности по долгам исключенных из реестра компаний претерпел ряд изменений, что еще больше способствовало общей неопределенности.

81. Утверждая, что властям Словении не следует предоставлять широкие пределы усмотрения по настоящему делу, заявитель просил Европейский Суд установить, что оспариваемая мера не преследовала правомерной цели. По мнению заявителя, настоящее дело следует отличать от дела «Бергер-Кралл и другие против Словении» (*Berger-Krall and Others v. Slovenia*) (Постановление Европейского Суда от 12 июня 2014 г., жалоба № 14717/04), касавшееся права аренды в бывшей Социалистической Федеративной Республике Югославия находившихся в общественной собственности квартир, и от дела «Ян и другие против Германии» (*Jahn and Others v. Germany*) (Постановление Большой Палаты Европейского Суда, жалоба № 46720/99 и две другие жалобы, *ECHR* 2005-VI), которое касалось уникального контекста воссоединения Германии.

82. Заявитель также утверждал, что примененная к нему мера была несоразмерной. Ссылаясь на Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Агротексим” и другие против Греции» (*Agrotexim and Others v. Greece*) (от 24 октября 1995 г., § 66, Series A, № 330-A) и на ряд более поздних решений, заявитель указал, что в соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда снятие корпоративной вуали могло быть оправдано только в исключительных обстоятельствах. По его мнению, в настоящем деле такие обстоятельства отсутствовали. Ссылаясь на Постановление Суда Европейского союза (далее –

Суд ЕС) по делу «Компания “Идрима Типу АЕ” против Министерства печати и средств массовой информации Греции» (Idryma Tyrou AE v. Ypourgos Tyrou kai Meson Mazikis Enimerosis) от 21 октября 2010 г. (дело № С81/09, EU: C:2010:622), заявитель утверждал, что оспариваемая мера также противоречила основополагающим принципам корпоративного права Европейского союза. Заявитель просил Европейский Суд применить прецедентную практику, изложенную в его Постановлении по делу «Васкрсич против Словении» (Vaskrsić v. Slovenia) от 25 апреля 2017 г., жалоба № 31371/12, и установить нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, несмотря на то, что он вел себя достаточно пассивно в отношении судьбы компании L.E. и ее непогашенной задолженности. По мнению заявителя, значение имел тот факт, что в его действиях не было недобросовестности. В этой связи заявитель отмечал, что пытался прекратить деятельность компании L.E. в порядке ликвидации, но его попытка не удалась, поскольку компания не смогла покрыть связанные с этим расходы. Заявитель также утверждал, что справедливый баланс между общими интересами и его имущественными правами был нарушен вследствие возложения на него обязанности доказать свой «пассивный» статус. Заявитель также подчеркивал, что в любом случае он занимал руководящую должность в компании L.E. только пару лет. Он считал, что этого было недостаточно для привлечения его к ответственности по долгам компании. Заявитель пришел к выводу, что оспариваемая мера была чрезвычайно несправедливой, поскольку компания «Словенские железные дороги» реализовала свои права требования в полном объеме, в то время как он остался ни с чем. Таким образом, на него было возложено чрезмерное бремя.

2. Власти Словении

83. Что касается предполагаемого отсутствия у заявителя доступа к процедуре исключения из судебного реестра, власти Словении утверждали, что у него была надлежащая возможность принять участие в разбирательстве, несмотря на то, что ни решение о возбуждении процедуры исключения из судебного реестра, ни решение об исключении из него не были вручены ему лично. Оба документа были надлежащим образом вручены компании L.E. по ее официальному адресу, что являлось обычной практикой. Кроме того, решение о возбуждении процедуры исключения из реестра было опубликовано в доступном публичном судебном реестре, а решение об исключении из реестра – в «Официальном вестнике Республики Словения». Власти Словении утверждали, что, если бы заявитель и другие акционеры компании L.E. действовали с должной осмотрительностью, они смогли бы ознакомиться с обоими решениями

различными способами. Власти Словении также подчеркивали, что сроки подачи возражения против возбуждения процедуры и обжалования решения об исключении из реестра были длительными, а именно два месяца и 30 дней соответственно. Конституционный суд Словении также постановил, что личное вручение решений, вынесенных в ходе процедур исключения из реестра «спящих» компаний, всем акционерам компаний было бы достаточно трудоемким, а в некоторых случаях невозможным, учитывая их количество и тот факт, что компании не всегда уведомляли реестр обо всех соответствующих изменениях (см. выше § 49). Так, J.Za., M.K. и J.Zu. оставались зарегистрированными в качестве акционеров компании L.E. после их смерти (см. выше §§ 10, 12 и 17), а заявитель был зарегистрирован как генеральный директор компании L.E. после освобождения им указанной должности (см. выше § 14).

84. Власти Словении также утверждали, что личная ответственность заявителя по долгам компании L.E. представляла собой меру контроля за использованием собственности по смыслу второго параграфа статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. В отношении законности принятой меры власти Словении отмечали, что соответствующие положения законодательства Словении были доступными, ясными и предсказуемыми. В этой связи они ссылались на ряд решений, в которых последовательно применялись критерии, установленные Конституционным судом Словении. Во всех указанных актах суды Словении установили, что акционеры исключенных из реестра компаний, доля участия которых составляла как минимум 10%, несли личную ответственность по долгам компаний, а лица с меньшим размером долей не несли личной ответственности. Что касается довода заявителя о том, что оспариваемый режим личной ответственности претерпел множество изменений, власти Словении отмечали, что указанные изменения были проведены после окончания исполнительного производства по настоящему делу и в этой связи не имеют к нему отношения.

85. Власти Словении также утверждали, что оспариваемая мера соответствовала общественным интересам. Официальные данные, принятые во внимание при разработке FOCA, свидетельствовали о том, что по состоянию на 28 февраля 1999 г. счета 6 587 компаний были заблокированы более года, их задолженность составляла 84 452 000 000 SIT, при этом 6 083 из этих компаний (а именно 92%) не имели в своем штате сотрудников. Единственным решением, доступным для властей Словении в соответствующий период, было инициирование процедуры ликвидации по собственной инициативе, но это заняло бы 30 лет и стоило бы государству около 900 000 000 SIT. Конституционный суд Словении постановил, что оспариваемая мера действительно отвечала обще-

ственным интересам, а именно защите кредиторов и общей безопасности правовых сделок (см. выше §§ 48 и 50).

86. По мнению властей Словении, оспариваемая мера была соразмерной. Будучи директором компании, заявитель был обязан обеспечивать ликвидность и платежеспособность компании или ликвидировать ее. Кроме того, имея долю в размере 11,11%, он мог влиять на деятельность компании. Он также мог в любое время выйти из состава акционеров компании L.E. (власти Словении ссылались на решение Высшего суда г. Любляны № II Pr 2915/2010). У заявителя было достаточно времени, чтобы ознакомиться с FOCA (соответствующие положения которого начали применяться через год после вступления этого закона в силу) и обойти оспариваемую меру. Однако он не проявил надлежащей осмотрительности.

87. Власти Словении просили Европейский Суд принять во внимание следующие дополнительные факторы: помимо долгов, акционеры исключенных из реестра компаний также получали все активы таких компаний, кредиторам исключенных из реестра компаний был предоставлен ограниченный срок в один год, чтобы добиваться исполнения своих требований от акционеров таких компаний, заявитель мог представить свои доводы по делу в рамках исполнительного производства и в Конституционном суде Словении. Что касается прецедентной практики, приведенной в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Васкрсич против Словении», на которое ссылался заявитель, власти Словении полагали, что она не имела отношения к настоящему делу: дело «Васкрсич против Словении» касалось продажи дома заявителя на публичных торгах в целях принудительного исполнения незначительного требования (124 евро) при наличии других средств принудительного исполнения. Власти Словении добавили, что, если, по мнению заявителя, он заплатил больше остальных активных акционеров компании L.E., то он должен был подать гражданский иск против них в целях получения возмещения.

88. Наконец, власти Словении утверждали, что письменные комментарии, полученные от организации «Гражданская инициатива принудительно исключенных из реестра компаний» (кратко изложенные ниже в § 90) содержали недостоверную информацию. В частности, довод о том, что даже те лица, которые более не являлись акционерами на момент исключения компании из реестра, тем не менее, могли быть привлечены к ответственности по долгам компании, и что они, кроме того, не имели возможности выдвинуть какие-либо доводы об обратном в рамках судебных разбирательств против них, инициированных кредиторами компании, явно противоречили прецедентной практике судов Словении.

3. Третьи стороны

89. Согласно позиции Мальтийского института управления игнорирование правосубъектности компании могло быть оправдано только в исключительных ситуациях при наличии доказательств вне всяких разумных сомнений относительно того, что корпоративная форма подверглась злоупотреблению. Бремя доказывания данного злоупотребления должно возлагаться на то лицо, которое выступает с соответствующим заявлением, таким образом, недопустимо предполагать или подраумевать наличие злоупотребления. Далее им была изложена ситуация на Мальте в этой связи.

90. Организация «Гражданская инициатива принудительно исключенных из реестра компаний» утверждала, что FOCA накладывал чрезмерное бремя на акционеров «спящих» компаний. Один из ключевых принципов корпоративного права заключается в том, что акционеры компаний не несут личной ответственности по долгам компаний при отсутствии доказательств того, что они злоупотребляли корпоративной формой (так называемое снятие корпоративной вуали). FOCA не учитывал данный принцип. Согласно пункту 3 статьи 37 указанного закона FOCA начал применяться всего через три месяца после его вступления в силу¹. Следовательно, у компаний не было времени совершать действия в целях уклонения от его применения. По мнению организации «Гражданская инициатива принудительно исключенных из реестра компаний», ввиду того, что судебный реестр содержал неактуальную информацию (компания не всегда уведомляла судебный реестр обо всех соответствующих изменениях), даже те лица, которые более не являлись акционерами на момент исключения компании из реестра, могли быть привлечены к ответственности по долгам компании. Кроме того, они не имели возможности выдвинуть какие-либо доводы об обратном в рамках судебных разбирательств против них, инициированных кредиторами. Организация «Гражданская инициатива принудительно исключенных из реестра компаний» признала, что согласно Постановлению Конституционного суда Словении от 2002 года ответственность по долгам исключенных из реестра компаний должны нести только активные акционеры (то есть те, которые могли влиять на деятельность компании), но утверждала, что это создало неопределенность в правовой системе Словении. Дальнейшая неопределенность предположительно возникла в результате попыток отменить оспариваемый режим личной ответственности, вве-

¹ Пункт 3 статьи 37 FOCA касался исключения из судебного реестра компаний, деятельность которых не была приведена в соответствие с Законом о «субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года. К настоящему делу имеет отношение норма, содержащаяся в пункте 3 статьи 40 FOCA, которая предусматривала *vacatio legis* в течение одного года в отношении исключения из реестра «спящих» компаний.

денный ФОСА. Организация «Гражданская инициатива принудительно исключенных из реестра компаний» также отмечала, что, хотя акционеры исключенных из реестра компаний могли быть привлечены к ответственности по долгам компаний, они не имели возможности реализовать требования компаний. Организация «Гражданская инициатива принудительно исключенных из реестра компаний» признала, что Ассоциация судей, Судебный совет, Институт сравнительного правоведения юридического факультета университета г. Любляны и Торгово-промышленная палата¹, среди прочих, выразили поддержку ФОСА, но заявила, что они действовали в сговоре с левыми политическими структурами. Наконец, организация представила следующие данные: около 25 000 компаний было исключено из реестра, исходя из того, что в каждой из них были как минимум два ответственных акционера, пострадали около 50 000 человек (2,5% населения Словении).

С. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Пределы рассмотрения настоящего дела

91. Заявитель жаловался на то, что невручение ему лично решений, принятых в рамках производства по исключению компании Л.Е. из судебного реестра, являлось нарушением пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. выше § 78). Обладая компетенцией в области правовой квалификации фактов дела (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Радомилья и другие против Хорватии» (Radomilja and Others v. Croatia) от 20 марта 2018 г., жалоба № 37685/10², § 124) и принимая во внимание процессуальные требования, закрепленные в статье 1 Протокола № 1 к Конвенции (см. ниже § 95), Европейский Суд считает целесообразным рассмотреть данную жалобу совместно с жалобой заявителя на его привлечение к ответственности в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Форминстер Энтерпрайзис Лимитед” против Чешской Республики» (Forminster Enterprises Limited v. Czech Republic) от 9 октября 2008 г., жалоба № 38238/04, § 59).

¹ Торгово-промышленная палата Словении (CCIS) была основана более 160 лет назад. В настоящее время ее членами являются 7 000 различных компаний из всех регионов. Это некоммерческая, неправительственная, независимая организация предпринимателей, которая представляет интересы своих членов и является наиболее влиятельной ассоциацией предпринимателей Словении.

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 2 (примеч. редактора).

2. Применимые нормы

(а) Общие принципы

92. Как неоднократно указывал Европейский Суд, статья 1 Протокола № 1 к Конвенции включает в себя три различные нормы. Первая норма, изложенная в первом предложении первого параграфа, имеет общий характер и формулирует принцип уважения права собственности. Вторая норма во втором предложении первого параграфа касается возможности лишения собственности при определенных условиях. Третья норма, содержащаяся во втором параграфе, признает право государств, в частности, контролировать использование собственности в соответствии с общественными интересами. Вторая и третья нормы, которые касаются особых случаев вмешательства государства в право на уважение собственности, должны толковаться в свете общего принципа, сформулированного в первой норме (см. среди прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Алишич и другие против Боснии и Герцеговины, Хорватии, Сербии, Словении и Македонии» (Ališić and Others v. Bosnia and Herzegovina, Croatia, Serbia, Slovenia and the former Yugoslav Republic of Macedonia) жалоба № 60642/08³, § 98, ECHR 2014).

(b) Применение общих принципов в настоящем деле

93. Стороны не оспаривали, что решение о привлечении заявителя к личной ответственности по долгам компании Л.Е. было равносильно вмешательству в его право на уважение собственности в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Стороны также не оспаривали, что эта мера сама по себе должна рассматриваться как мера контроля за использованием собственности. Однако принимая во внимание более широкий контекст, в том числе, решение от 2001 года об исключении компании Л.Е. из судебного реестра, Европейский Суд рассмотрит настоящее дело в свете общего принципа, сформулированного в первой норме статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

3. Законность вмешательства

(а) Общие принципы

94. Европейский Суд напоминает, что первое и самое важное требование статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции заключается в том, что любое вмешательство со стороны органов государственной власти в право на уважение собственности должно быть законным: второе предложение первого пара-

³ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 1 (примеч. редактора).

графа допускает лишение собственности только «на условиях, предусмотренных законом», а второй параграф признает право Государств контролировать использование собственности путем обеспечения выполнения «законов». Кроме того, принцип верховенства права, который является одним из основных принципов демократического общества, присущ всем статьям Конвенции (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бывший Король Греции и другие против Греции» (Former King of Greece and Others v. Greece) (существо жалобы), жалоба № 25701/94, § 79, ECHR 2000-XII, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брониовский против Польши» (Broniowski v. Poland), жалоба № 31443/96, § 147, ECHR 2004-V).

95. Принцип законности также предполагает определенное качество применимых положений законодательства государства-ответчика. В этой связи следует отметить, что, говоря о «законе», статья 1 Протокола № 1 к Конвенции ссылается на то же понятие, на которое ссылается Конвенция в других местах при употреблении данного термина (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вистиньш и Перепелкинс против Латвии» (Vistiņš and Pēterjolkins v. Latvia) от 25 октября 2012 г., жалоба № 71243/01, § 96). Из этого следует, что правовые нормы, на которых основано вмешательство, должны быть достаточно доступными, точными и предсказуемыми в своем применении (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бейелер против Италии» (Beyeler v. Italy) жалоба № 33202/96, §§ 109–110, ECHR 2000-I). В частности, норма является «предсказуемой», если она обеспечивает защиту от произвольного вмешательства органов государственной власти (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания Centro Europa 7 S.r.l. и Ди Стефано против Италии» (Centro Europa 7 S.r.l. and Di Stefano v. Italy) от 7 июня 2012 г., жалоба № 38433/09, § 143). Таким образом, любое вмешательство в право на уважение собственности должно сопровождаться процессуальными гарантиями, предоставляющими заинтересованному физическому или юридическому лицу разумную возможность представить свое дело на рассмотрение компетентных органов власти в целях эффективного обжалования мер, представляющих собой вмешательство в осуществление прав, гарантированных статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. При проверке выполнения этого условия необходимо провести исчерпывающий анализ применимых судебных и административных процедур (см. Постановление Европейского Суда по делу «Йокела против Финляндии» (Jokela v. Finland), жалоба № 28856/95, § 45, ECHR 2002-IV, Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Капитал Банк АД” против Болгарии»

(Capital Bank AD v. Bulgaria), жалоба № 49429/99, § 134, ECHR 2005-XII, и Постановление Европейского Суда по делу «Столярова против Российской Федерации» (Stolyarova v. Russia) от 29 января 2015 г., жалоба № 15711/13¹, § 43).

(b) Применение общих принципов в настоящем деле

96. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд прежде всего отмечает, что личная ответственность заявителя по долгам компании L.E. была основана на пункте 4 статьи 27 FOCA, согласно которому подразумевалось, что акционеры компаний, исключенных из судебного реестра вследствие отсутствия платежных операций по их банковским счетам в течение 12 месяцев подряд, сделали заявление, предусмотренное пунктом 1 статьи 394 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года (а именно, что они приняли на себя солидарную ответственность по любым непогашенным долгам компании). FOCA был опубликован в «Официальном вестнике Республики Словения» 8 июля 1999 г. и вступил в силу 23 июля 1999 года. Европейский Суд считает, что нормы, введенные FOCA, были доступны заявителю и что содержание Закона «О финансовой деятельности компаний» 1999 года было достаточно ясным, чтобы позволить ему предвидеть, что его компания рискует быть исключенной из судебного реестра, а он может быть привлечен к личной ответственности по ее долгам.

97. Европейский Суд постановил, что закон может удовлетворять требованию предсказуемости, даже если заинтересованное лицо должно будет воспользоваться надлежащей юридической консультацией, чтобы оценить в разумной при обстоятельствах дела степени последствия, которые может повлечь за собой определенное действие. Это особенно важно для лиц, осуществляющих профессиональную деятельность, для которых обычным является проявление бóльшой осмотрительности при осуществлении своих профессиональных обязанностей. В этой связи можно ожидать, что они будут принимать особые меры при оценке рисков, которые такая деятельность может повлечь (см. среди прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Карачонь и другие против Венгрии» (Karácsóny and Others v. Hungary) от 17 мая 2016 г., жалобы №№ 42461/13 и 44357/13², § 125, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кантони против Франции» (Cantoni v. France) от 15 ноября 1996 г., § 35, *Reports of Judgments and Decisions*

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2015. № 3 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 12 (примеч. редактора).

1996-V). Указанный принцип может быть применен и к лицам, занимающимся коммерческой деятельностью (см. по аналогии Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Шпачек с.р.о.” против Чешской Республики» (Špaček, s.r.o. v. Czech Republic) от 9 ноября 1999 г., жалоба № 26449/95, § 59, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Форминстер Энтерпрайзис Лимитед” против Чешской Республики», § 65). Как миноритарному акционеру компании L.E. и ее бывшему генеральному директору заявителю должно было быть хорошо известно не только положение компании, но и факт возбуждения кредитором гражданского производства против нее (см. выше § 11). В этой связи, по мнению Европейского Суда, можно было ожидать, что заявитель уделит значительное внимание нерешенным вопросам, стоявшим перед компанией. Европейский Суд считает, что заявитель должен был знать законодательство Словении, применимое к компаниям, в частности, к неплатежеспособным, и что он не нуждался в направлении каких-либо специальных предупреждений относительно последствий FOCA.

98. В этой связи настоящее дело следует отличать от дела «Золотас против Греции (№ 2)» (Zolotas v. Greece) (№ 2) (жалоба № 66610/09, ECHR 2013), касавшегося законодательного акта, введенного в 1942 году (во время оккупации Греции странами гитлеровской коалиции) и ратифицированного в 1946 году, в соответствии с которым все банковские депозиты, не востребованные владельцем счета или не являвшиеся предметом каких-либо операций в течение 20 лет, были переданы в постоянное пользование государству. Европейский Суд постановил в указанном деле, *inter alia*, что тот факт, что заявитель не был проинформирован о скором истечении срока давности и, следовательно, не имел возможности остановить течение срока исковой давности, нарушал справедливый баланс, требуемый в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. При этом существенное значение имеет тот факт, что в отличие от заявителя по настоящему делу заявитель по указанному делу был рядовым гражданином, который не знал гражданское или банковское законодательство. Настоящее дело имеет большее сходство с делом «Компании “Джей Эй Пай (Оксфорд) Лтд” и “Джей Эй Пай (Оксфорд) Лэнд Лтд” против Соединенного Королевства» (J.A. Pye (Oxford) Ltd and J.A. Pye (Oxford) Land Ltd v. United Kingdom) (Постановление Большой Палаты Европейского Суда, жалоба № 44302/02, ECHR 2007-III). В этом деле Европейский Суд рассмотрел соразмерность изъятия земельного участка, принадлежавшего компаниям-заявительницам, в связи с владением на основе утверждения правового титула вопреки притязаниям другого лица в течение 12 лет. Европейский Суд, *inter alia*, указал, что отсут-

ствие уведомления официального владельца до истечения срока давности в определенный период не нарушало справедливого баланса, требуемого в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции.

99. Действительно, как утверждал заявитель, законодательная концепция личной ответственности по долгам исключенных из судебного реестра компаний, введенная FOCA, согласно которой все акционеры несли ответственность независимо от их роли в компаниях, была смягчена Постановлением Конституционного суда Словении от 2002 года (см. выше §§ 48–51). Однако тот факт, что указанное постановление было вынесено более чем через два года с момента применения соответствующих положений FOCA, никак не повлиял на заявителя, поскольку его личная ответственность по долгам компании L.E. была установлена в рамках исполнительного производства, которое началось в апреле 2002 года (см. выше § 24) и завершилось в июле 2007 года (см. выше § 30). В ходе указанного производства, о котором заявителю стало известно только в декабре 2004 года (см. выше § 24), он утверждал, что не являлся активным акционером компании L.E., ссылаясь на постановление Конституционного суда Словении в поддержку своего основного довода против принудительного исполнения. Таким образом, Европейский Суд не находит, что интересы заявителя были каким-либо образом ущемлены при осуществлении его прав в связи с тем, что различие между активными и пассивными акционерами было введено только в октябре 2002 года.

100. Кроме того, критерии, разработанные Конституционным судом Словении в этом отношении в целях установления различий между «активными акционерами», которые могли оказывать влияние на деятельность компании, и «пассивными акционерами», которые не оказывали такого влияния, были ясными (см. выше § 51). Действительно, это привело к развитию последовательной прецедентной практики судов Словении, согласно которой акционеры исключенных из судебного реестра компаний, владеющие долей в размере как минимум 10%, несли личную ответственность по долгам компаний, а акционеры, доля которых составляла менее 10%, как правило, не привлекались к какой-либо ответственности. По мнению Европейского Суда, указанное пороговое значение в 10% не является произвольным, учитывая предусмотренное законом право акционеров компаний с ограниченной ответственностью, доля которых составляет как минимум 10%, получать информацию о деятельности компании, право доступа к документам и отчетности компании, право требовать созыва общего собрания, право требовать включения конкретного вопроса в повестку дня общего собрания, а также право подать иск в компетентный суд с требованием о ликвидации компании (см. выше

§§ 37–38). Такие международные организации, как Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Международный валютный фонд (МВФ), используют аналогичный критерий, позволяющий проводить различия между инвесторами, которые не контролируют компанию (портфельные инвесторы), и инвесторами, которые осуществляют контроль (прямые инвесторы). В этой связи соответствующая часть Эталонного определения прямых иностранных инвестиций ОЭСР, четвертое издание 2008 года, гласит (с. 22–23)¹:

«29. ...Наличие в качестве мотива существенного влияния на управление предприятием или контроля за его деятельностью является главным, что отличает прямые инвестиции от международных портфельных инвестиций. Для последних характерно особое внимание инвестора, главным образом на доходах, получаемых в результате приобретения и продажи акций и других ценных бумаг, при этом речь не идет о влиянии на управление или контроле над активами, лежащими в основе таких инвестиций. Отношения в рамках прямых инвестиций по самой своей природе могут привести к долгосрочному и стабильному финансированию и передаче технологий с целью увеличения со временем объемов производства и максимизации доходов МНК. Портфельные инвесторы не стремятся к установлению долгосрочных отношений. Главным фактором, определяющим совершение сделок по приобретению или продаже ценных бумаг, является доходность активов...

31. Считается, что на практике существует несколько факторов, позволяющих определить влияние прямого инвестора на состояние предприятия – реципиента прямых инвестиций. Однако в целях обеспечения согласованности и сопоставимости статистического учета прямых иностранных инвестиций в различных странах рекомендуется четко придерживаться количественного принципа при определении прямых инвестиций. Соответственно, считается, что явным признаком прямых инвестиций является прямое или косвенное владение как минимум 10% прав голоса в предприятии – реципиенте прямых инвестиций. Иными словами, 10-процентное пороговое значение представляет собой критерий, позволяющий определить, оказывает ли инвестор влияние на управление предприятием и, соответственно, существуют ли основания для отношений в рамках прямых инвестиций или нет».

101. Что касается утверждения заявителя о том, что последующие изменения порядка личной ответственности по долгам исключенных из реестра компаний привели к общей неопределенности, Европейский Суд полностью согласен с властями Словении в том, что данные реформы не имели отношения к настоящему делу, поскольку они были приняты после завершения исполнительного производства по делу заявителя (иными словами, после того, как решение о его личной ответствен-

ности по долгам компании L.E. вступило в законную силу).

102. Обращаясь к жалобе заявителя на невручение ему лично решений, принятых в рамках производства по исключению компании L.E. из судебного реестра (см. выше § 91), Европейский Суд установил выше, в §§ 96–97, что заявитель должен был предвидеть риск исключения его компании из судебного реестра и того, что он будет нести личную ответственность по ее долгам. Таким образом, заявитель самостоятельно или совместно с другими акционерами компании должен был принять необходимые меры для получения корреспонденции, адресованной его компании (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хеннингс против Германии» (*Hennings v. Germany*) от 16 декабря 1992 г., § 26, Series A, № 251-A). Действительно, до тех пор, пока акционеры L.E. поддерживали существование компании, хотя бы только формально, и в силу того, что они не смогли найти способ прекратить ее деятельность, они должны были обеспечивать некоторое основное управление ею. Кроме того, принимая во внимание достаточно длительные сроки обжалования решений, принятых в рамках производства по исключению компании из реестра (см. выше §§ 44–45), Европейский Суд считает вручение решений компании L.E. в совокупности с уведомлением в судебном реестре или в «Официальном вестнике Республики Словения», если применимо, надлежащим способом уведомления.

103. Настоящее дело следует отличать от дел, на которые заявитель ссылался при представлении своих доводов (см. выше § 78). Указанные им дела касались производств по гражданским делам, возбужденным против самих заявителей на основе общего законодательства. Напротив, рассматриваемая в рамках настоящего дела процедура исключения из судебного реестра была проведена в отношении компании L.E. (то есть не в отношении заявителя) в соответствии со специальным законом, цель которого как раз заключалась в том, чтобы в кратчайшие сроки ликвидировать многочисленные «спящие» компании. Данная мера была признана необходимой в период перехода от социалистической экономики к рыночной (см. выше выводы Конституционного суда Словении в этой связи в §§ 48–49). Кроме того, личная ответственность заявителя по долгам L.E. была установлена не в рамках процедуры исключения компании из судебного реестра, а в ходе последующего исполнительного производства, возбужденного против него кредитором L.E. В ходе указанного производства заявитель на любом этапе мог представить доводы, которые он считал относящимися к делу.

104. С учетом вышеизложенного Большая Палата Европейского Суда считает, что вмешательство было законным по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

¹ См. также Руководство МВФ по платежному балансу и международной инвестиционной позиции, 6-е издание (РПБ6), 2009 года.

4. Цель вмешательства

(а) Общие принципы

105. Любое вмешательство со стороны органа государственной власти в право на уважение собственности может быть оправдано только в том случае, если оно служит законным интересам общества. В целях настоящего анализа Европейский Суд считает целесообразным процитировать следующие параграфы из упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ян и другие против Германии» § 91:

«91. По мнению Европейского Суда, имея непосредственные знания о своем обществе и его потребностях, власти государства-ответчика в принципе находятся в лучшем положении по сравнению с международными судами для оценки того, что соответствует “интересам общества”. В рамках системы защиты, установленной Конвенцией, первоначальная оценка наличия проблемы, которая вызывает беспокойство общества и требует принятия мер, связанных с лишением собственности, возлагается на органы власти государства-ответчика. В данном случае, как и в других областях, на которые распространяются гарантии Конвенции, органы власти государства-ответчика имеют определенные пределы усмотрения.

Кроме того, понятие “интересы общества” неизбежно является широким. В частности, решение о принятии законов об экспроприации имущества, как правило, предполагает предварительное изучение политических, экономических и социальных вопросов. Европейский Суд, считая естественным наделение законодательного органа широкими пределами усмотрения при проведении социальной и экономической политики, уважает мнение законодательного органа о том, что соответствует “интересам общества”, за исключением случаев, когда такое мнение явно не имеет разумных оснований (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу “Джеймс и другие против Соединенного Королевства”, р. 32, § 46, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Бывший король Греции и другие против Греции”, § 87, и Постановление Европейского Суда по делу “Звольски и Звольска против Чешской Республики” (Zvolský and Zvolská v. Czech Republic) жалоба № 46129/99, § 67, *in fine*, ECHR 2002-IX). Указанные принципы с необходимостью, если не *a fortiori*, применяются к таким радикальным изменениям, как те, что произошли в период объединения Германии, когда имел место переход к системе рыночной экономики».

(b) Применение общих принципов в настоящем деле

106. Из подготовительной работы, связанной с принятием ФОСА, следует, что основные цели данного закона состояли в обеспечении стабильности на коммерческом рынке и финансовой дисциплины. Одним из побочных эффектов перехода от социалистической экономики к рыночной стало наличие большого количества «спящих» компа-

ний, имеющих задолженности, но не владеющих активами, которые были созданы в соответствии с законодательством бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия. По мнению законодателя, возбуждение судами производств по ликвидации данных компаний, что являлось единственной мерой, доступной в соответствующий период, привело бы к возникновению у судов работы примерно на 30 лет и имело бы значительные финансовые последствия для государства (см. выше § 85). Таким образом, ФОСА предоставил возможность исключения компаний из реестра по инициативе суда без предварительной ликвидации. Кроме того, в целях защиты кредиторов таких компаний пункт 4 статьи 27 ФОСА с изменениями, внесенными Конституционным судом Словении в 2002 году, предусматривал, что бывшие акционеры компаний, исключенных из реестра в соответствии с ФОСА, которые могли влиять на деятельность компаний, несли ответственность по долгам компаний (см. также Постановление Европейского Суда по делу «Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации» (Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia) от 25 июля 2013 г., жалобы №№ 11082/06 и 13772/05¹, § 877). Учитывая особенно широкие пределы усмотрения, предоставленные органам власти государства-ответчика в части вопросов общей социальной и экономической политики (см. упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Ян и другие против Германии», § 91, «Вистиньш и Перепелкинс против Латвии», § 98, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Белане Надь против Венгрии (Belane Nagy v. Hungary) от 13 декабря 2016 г., жалоба № 53080/13², §§ 113–114), Европейский Суд не находит оснований сомневаться в том, что оспариваемая мера соответствовала интересам общества. В ситуациях, когда ухудшение состояния коммерческого рынка из-за большого количества «спящих» и неплатежеспособных компаний, для государства может быть крайне важно действовать таким образом, чтобы избежать непоправимого ущерба экономике и повысить правовую безопасность и доверие участников рынка.

5. Достигло ли вмешательство «справедливого баланса»?

(а) Общие принципы

107. Европейский Суд напоминает, что Конвенция не предусматривает института *actio popularis*. В соответствии со сложившейся пре-

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2015. № 1 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 8 (примеч. редактора).

цедентной практикой Европейского Суда в рамках производств, инициированных на основании индивидуальных жалоб в соответствии со статьей 34 Конвенции, задачей Европейского Суда не является пересмотр законодательства государства-ответчика *in abstracto*. Напротив, он должен определить, составляли ли способ его применения или его влияние на заявителя нарушение Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Общественная организация “Центр правовых ресурсов” в интересах Валентина Кэмпану против Румынии» (*Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpeanu v. Romania*) жалоба № 47848/08¹, § 101, *ECHR* 2014, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перинчек против Швейцарии» (*Perinçek v. Switzerland*), жалоба № 27510/08², § 136, *ECHR* 2015, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Роман Захаров против Российской Федерации» (*Roman Zakharov v. Russia*) жалоба № 47143/06³, § 164, *ECHR* 2015, с дополнительными ссылками).

108. Кроме того, Европейский Суд обращает внимание на свою главным образом субсидиарную роль в системе защиты, предусмотренной Конвенцией. Договаривающиеся Стороны в соответствии с принципом субсидиарности несут основную ответственность за обеспечение прав и свобод, гарантированных в Конвенции и Протоколах к ней, и пользуются при этом пределами усмотрения при наличии надзорной юрисдикции Европейского Суда. Благодаря своей демократической легитимности власти государства-ответчика, как неоднократно подчеркивал Европейский Суд, обычно находятся в лучшем положении по отношению к международным судам, чтобы оценить местные потребности и условия (см., *inter alia*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хаттон и другие против Соединенного Королевства» (*Hatton and Others v. United Kingdom*) жалоба № 36022/97, § 97, *ECHR* 2003-VIII, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вистиньш и Перепелкинс против Латвии», § 98, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гариб против Нидерландов» (*Garib v. Netherlands*) от 6 ноября 2017 г., жалоба № 43494/09⁴, § 137).

109. В случаях, когда законодательный орган пользуется свободой усмотрения, последняя обычно распространяется как на решение о вмеша-

тельстве в конкретную сферу, так и на подробные правила, устанавливаемые после вмешательства в целях обеспечения соответствия законодательства Конвенции и достижения им баланса между любыми конкурирующими общественными и частными интересами. Однако Европейский Суд неоднократно подтверждал, что выбор законодательного органа находится в пределах его контроля, и оценивал качество парламентского и судебного анализа необходимости введения конкретной меры. Европейский Суд счел целесообразным принять во внимание риск злоупотребления в случае смягчения меры общего характера. Оценка данного риска должны в первую очередь осуществлять власти государства-ответчика. Признано, что мера общего характера является более целесообразным средством достижения правомерной цели, чем норма, предполагающая рассмотрение индивидуальных случаев, если последняя может привести к значительному риску неопределенности, судебных разбирательств, расходов и задержек, а также к дискриминации и произволу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Международная организация защитников животных против Соединенного Королевства» (*Animal Defenders International v. United Kingdom*), жалоба № 48876/08, § 106, *ECHR* 2013, с дополнительными ссылками). Европейский Суд должен тщательно изучить доводы, принятые во внимание в ходе законодательного процесса, которые привели к выбору, сделанному законодательным органом, и определить, был ли достигнут справедливый баланс между конкурирующими интересами государства или общества в целом и интересами лиц, напрямую затронутых выбором законодательного органа (см. для сравнения Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Коррейя де Матуш против Португалии» (*Correia de Matos v. Portugal*) от 4 апреля 2018 г., жалоба № 56402/12⁵, § 129).

110. Необходимость поиска указанного баланса отражена в целом в структуре статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. В частности, должны существовать разумные отношения соразмерности между использованными средствами и целью, которую государство пытается достичь путем применения каких-либо мер. Таким образом, в каждом случае рассмотрения предполагаемого нарушения указанной статьи Европейский Суд должен выяснить, не было ли возложено на соответствующее лицо в результате действий или бездействия государства несоразмерное и чрезмерное бремя (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брониовский против Польши», § 150, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саргсян против Азербайджана»

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 12 (примеч. редактора).

² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 4 (примеч. редактора).

³ См.: там же. № 6 (примеч. редактора).

⁴ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 8 (примеч. редактора).

⁵ См.: там же. № 5 (примеч. редактора).

(Sargsyan v. Azerbaijan) жалоба № 40167/06¹, § 227, ECHR 2015).

111. Наконец, в упоминавшемся выше Постановлении по делу «Компания «Агротексим» и другие против Греции», на которое ссылался заявитель в своих доводах, Европейский Суд постановил, что только исключительные обстоятельства могут оправдать снятие корпоративной вуали. Указанное дело не было непосредственно связано с вопросом, который поднимался в настоящем деле, о том, было ли вмешательство в право на уважение собственности обоснованным в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, но с вопросом о том, может ли акционер при каких-либо обстоятельствах утверждать, что он является жертвой по смыслу статьи 34 Конвенции в результате действий, связанных с имуществом компании. По-видимому, мотивировка Постановления Европейского Суда в данном деле состояла в том, что, поскольку компании обладали отличной от акционеров правосубъектностью, именно они, а не их акционеры могли подавать в Европейский Суд жалобы на нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, кроме случаев, когда в силу исключительных обстоятельств компании не имели такой возможности. Европейский Суд отметил (*ibid.*, § 66), что верховные суды некоторых государств – членов Совета Европы придерживаются аналогичного подхода и что данный принцип также был подтвержден в отношении дипломатической защиты компаний Международным судом ООН (далее – Международный суд) в деле «Компания «Барселона Трэкшн, Лайт энд Пауэр Компани Лимитэд»» (Barcelona Traction, Light and Power Company Limited) (Постановление от 5 февраля 1970 г., *ICJ Reports* 1970, р. 39–40, §§ 55–58). Анализируя оба аспекта указанного принципа, Международный суд в соответствующих частях постановления указал:

«55. Международный суд переходит к рассмотрению других оснований, которые потенциально могут оправдать предъявление требований властями Бельгии от имени акционеров компании «Барселона Трэкшн».

56. По тем же причинам, что и ранее, Международный суд ссылается на внутригосударственное законодательство. Организационно-правовые формы и правосубъектность юридических лиц иногда используются не только в тех целях, для которых они изначально предназначались. Иногда юридическое лицо не может защитить права лиц, которые передали ему свои финансовые ресурсы, таким образом, неизбежно возникает риск злоупотребления, как в случае многих иных правовых институтов. В настоящем деле, как и в других, закон, столкнувшись с экономическими реалиями, должен предусматривать меры и средства правовой защиты в интересах участников юридического лица, а также третьих лиц, которые вели с ним дела: закон признал, что независимое

существование юридического лица не может рассматриваться как абсолютное. Именно в данном контексте процесс «снятия корпоративной вуали» или «игнорирование корпоративной правосубъектности» был признан оправданным и справедливым при определенных обстоятельствах или для определенных целей. Обширная практика, уже накопленная по данному вопросу во внутригосударственном законодательстве, указывает на то, что снятие корпоративной вуали осуществляется, например, в целях предотвращения злоупотребления привилегиями правосубъектности, как в некоторых случаях мошенничества или должностных преступлений, в целях защиты прав третьих лиц, в частности, кредиторов или покупателей, либо в целях предотвращения уклонения от правовых требований или обязательств.

57. Следовательно, снятие корпоративной вуали чаще применяется извне, в интересах лиц, которые вели дела с юридическим лицом. Тем не менее указанный принцип также применялся изнутри в интересах, среди прочего, акционеров, но только в исключительных случаях.

58. В соответствии с изложенным выше принципом процесс снятия корпоративной вуали, который является исключительным и признается внутригосударственным законодательством в отношении созданных им же институтов, в равной степени приемлем для того, чтобы играть аналогичную роль в международном праве. Из этого следует, что в международном плане в принципе тоже могут существовать особые обстоятельства, которые оправдывают снятие корпоративной вуали в интересах акционеров».

Европейский Суд впоследствии несколько раз применял критерий, выработанный в упоминавшемся выше Постановлении по делу «Компания «Агротексим» и другие против Греции», при рассмотрении требований акционеров, которые должны быть идентифицированы с компаниями в целях определения статуса «жертвы», то есть «изнутри» в формулировке Международного суда (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания Centro Europa 7 S.r.l. и Ди Стефано против Италии», §§ 90–95, и приведенные в нем примеры). Таким образом, то направление прецедентной практики, которое сложилось на основе упоминавшегося выше Постановления Европейского Суда по делу «Компания «Агротексим» и другие против Греции», не может быть непосредственно использовано для содействия Европейскому Суду в разбирательстве такого дела, как настоящее, которое касается снятия корпоративной вуали компании с ограниченной ответственностью в интересах ее кредиторов, или «извне» в формулировке Международного суда. В этой связи Европейский Суд признал, что, если компания с ограниченной ответственностью использовалась лишь как фасад для мошеннических действий ее владельцев или управляющих, то снятие корпоративной вуали может быть надлежащим решением для защиты прав ее кредиторов (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ходорковский и Ле-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 9 (примеч. редактора).

бедев против Российской Федерации», § 877). Кроме того, в ряде дел, возбужденных кредиторами государственных компаний с ограниченной ответственностью или банков, Европейский Суд приходил к выводу о нарушении, *inter alia*, статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции вследствие отказа властей государства-ответчика выплатить долг компании или банка, являвшихся предметами споров, прикрываясь корпоративной вуалью (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Алишич и другие против Боснии и Герцеговины, Хорватии, Сербии, Словении и Македонии», §§ 114–115, с дополнительными ссылками). В этой связи Европейский Суд ссылаясь, *inter alia*, на следующие факторы: осуществляло ли государство вывод корпоративных средств в ущерб компании и ее участников, обеспечивало ли оно независимые коммерческие отношения с компанией либо допускало ли оно иные злоупотребления корпоративной формой (*ibid.*). Указанные факторы также соответствуют подходу, принятому рядом Договаривающихся Государств (см. выше информацию о сравнительном праве, представленную сторонами и одной из третьих сторон в настоящем деле, в § 56).

112. Европейский Суд далее рассмотрит вопрос о том, был ли в настоящем деле достигнут справедливый баланс между интересами участвующих лиц (то есть между интересами заявителя в том, чтобы не нести ответственность по долгам компании L.E., интересами кредитора компании L.E. в том, чтобы его требования были полностью удовлетворены, и интересами общества в обеспечении стабильных экономических отношений). Оценивая тот факт, должно ли лицо нести индивидуальное и чрезмерное бремя по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, Европейский Суд по мере целесообразности примет во внимание изложенный выше принцип, согласно которому необходимость привлечения акционера компании с ограниченной ответственностью к ответственности по долгам компании и, таким образом, снятия корпоративной вуали должна быть обусловлена исключительными обстоятельствами и уравновешена конкретными гарантиями.

(b) Применение общих принципов в настоящем деле

113. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что до вступления ФОСА в силу снятие корпоративной вуали для привлечения к личной ответственности акционера компании по долгам компании в соответствии с законодательством Словении было ограничено основаниями, изложенными в статье 6 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года, как описано выше, в § 34, включая злоупотребление корпоративной формой и неправомерное использование активов компа-

нии. Аналогичные положения содержатся в законодательстве ряда других Договаривающихся Государств (см. выше § 56).

114. Однако, как следует из подготовительной работы в связи с ФОСА, статья 6 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года более не считалась надлежащей для того, чтобы справиться с ситуацией, сложившейся в Словении к концу 1990-х годов, когда тысячи компаний, которые были созданы в соответствии с законодательством бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия, существовали только на бумаге и, кроме того, имели большие задолженности, но не имели активов. Законодательный орган Словении решил ввести новые способы работы с подобными компаниями.

115. Европейский Суд отмечает отсутствие каких-либо сомнений в том, что ФОСА повлек за собой серьезные последствия для многих физических лиц, включая заявителя, которые в результате были привлечены к личной ответственности по долгам своих компаний. Однако исключительный характер обстоятельств, которые могут оправдать снятие корпоративной вуали, по сути сводится к природе вопросов, подлежащих решению компетентным внутригосударственным судом, а не к частоте возникновения данных ситуаций. Это не означает, что подобные меры могут быть оправданы только в редких случаях (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Миллер против Швеции» от 8 февраля 2005 г., жалоба № 55853/00, § 29, в отношении вопросов в соответствии со статьей 6 Конвенции).

116. Кроме того, из подготовительной работы в связи с ФОСА (см. выше § 41) становится очевидно, что ФОСА был введен в ответ на серьезную и широко распространенную проблему в постсоциалистической Словении, которая затрагивала не менее 6 500 компаний и негативно сказывалась на некоторых основных условиях, которым компании должны были соответствовать в свободной рыночной экономике. Введение новых правил по снятию корпоративной вуали в целях привлечения акционеров «спящих» компаний к ответственности по долгам компаний, исходя из предположения о том, что они собирались прекратить деятельность компании и приняли на себя солидарную ответственность по указанным долгам, по-видимому, также было мотивировано определенной срочностью. Кроме того, согласно Постановлению Конституционного суда Словении такая ответственность была ограничена только теми акционерами компании, которые «фактически могли влиять на деятельность компании» (см. выше § 51). Конституционный суд Словении указал, *inter alia*, что необходимость дополнительной защиты кредиторов была еще сильнее в рамках ФОСА, который не предусматривал каких-либо процедур для обеспечения выплат кредиторам в слу-

чае прекращения деятельности таких компаний и в случае потенциальной чрезмерной задолженности компаний, а также каких-либо процедур как минимум для обеспечения обычной ответственности компаний с ограниченной ответственностью (Постановление от 9 октября 2002 г. № U-I-135/00, § 49, процитированное выше в § 50).

117. Действительно, указанные нормы стали предметом как минимум двух этапов законодательных изменений и судебных жалоб в Конституционный суд Словении. Так, FOCA был впервые изменен в 2007 году в целях освобождения акционеров компаний от личной ответственности, но Конституционный суд Словении аннулировал указанную поправку в том же году в целях защиты прав кредиторов (см. выше § 52). Когда законодательный орган предпринял еще одну попытку освободить акционеров компаний от личной ответственности в 2011 году (см. выше § 54), Конституционный суд Словении разрешил освобождение от ответственности, но только для компаний, исключенных из реестра после вступления в силу Закона «О финансовой деятельности компаний».

118. Из анализа соответствующих соображений в ходе подготовительной работы и мотивировки Конституционного суда Словении следует, что в рассматриваемый период, в частности, в момент принятия Постановления Конституционного суда Словении от 2002 года, были предприняты реальные усилия для достижения справедливого баланса между интересами кредиторов, исключенных из реестра компаний, и интересами акционеров таких компаний. Качество парламентского и судебного анализа необходимости этого законодательства и принятых мер позволяло оправдать широкие пределы усмотрения в отношении сделанного законодательного и судебного выбора (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Международная организация защитников животных против Соединенного Королевства», § 109). Расхождение во взглядах законодательного органа, с одной стороны, и Конституционного суда Словении, с другой, должно рассматриваться в рамках указанных пределов усмотрения. Данное право усмотрения, однако, является ограниченным и осуществляется параллельно с надзором на европейском уровне со стороны Европейского Суда, задача которого состоит в принятии окончательного решения относительно того, совместимо ли оспариваемое вмешательство в рассматриваемом деле с правами заявителя в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции (см., *mutatis mutandis*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Бладет Тромсё” и Стенсаас против Норвегии» (Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway), жалоба № 21980/93, § 58, ECHR 1999-III).

119. В настоящем деле суды Словении рассмотрели личную ответственность заявителя по долгам компании L.E. в рамках исполнительного производства, возбужденного против него компанией «Словенские железные дороги». В своем решении от 12 марта 2005 г. окружной суд г. Любляны установил, что бремя доказывания статуса пассивного акционера лежит на заявителе и что он не смог доказать, что не являлся активным акционером компании L.E. Окружной суд г. Любляны решил, что, обладая долей в размере 11,11% в капитале компании, заявитель пользовался правами миноритарного акционера и, кроме того, работал в компании и активно участвовал в управлении ее деятельностью с 1993 года. В качестве исполняющего обязанности директора, а затем генерального директора он был уполномочен действовать от имени компании. Кроме того, даже после того, как он ушел с должности генерального директора, он все еще принимал активное участие в деятельности компании и подписал ходатайство о ее ликвидации. Наконец, окружной суд г. Любляны счел, что, будучи миноритарным акционером, заявитель мог и должен был предложить назначение нового директора на общем собрании компании, поскольку в соответствии с законодательством Словении все компании с ограниченной ответственностью должны иметь как минимум одного директора.

120. 9 февраля 2006 г. Высший суд г. Любляны отклонил жалобу заявителя по сути по тем же основаниям, что и суд первой инстанции. Высший суд г. Любляны отметил, *inter alia*, что Конституционный суд Словении признал меру по снятию корпоративной вуали в рамках FOCA соответствующей принципу отделения активов компании от активов ее акционеров и, следовательно, соответствующей Конституции Словении. Высший суд г. Любляны счел не относящимся к делу то обстоятельство, стал ли заявитель акционером компании L.E. до или после возникновения требования кредитора. Став акционером компании, он принял на себя ее активы и обязательства. Высший суд г. Любляны также постановил, что тот факт, что заявитель не оставался директором L.E. до момента прекращения деятельности компании, не имел решающего значения. Важное значение имело то обстоятельство, что заявитель принимал активное участие в управлении компанией и что он имел права миноритарного акционера в соответствии со статьей 445 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года (см. выше § 37). Высший суд г. Любляны отметил, что в отличие от статьи 6 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года, который требовал от кредиторов компании доказать, что акционер злоупотребил корпоративной формой (см. выше § 34), FOCA ввел «неопровержимую» презумпцию, согласно которой считалось, что акционеры исключенной

из реестра компании приняли на себя солидарную ответственность по любым непогашенным долгам компании. В соответствии с Постановлением Конституционного суда Словении от 2002 года акционеры могут быть освобождены от личной ответственности только в том случае, если они докажут, что являлись «пассивными акционерами» компании (см. выше §§ 46 и 51). Наконец, Высший суд г. Любляны принял к сведению, что заявитель действительно подал ходатайство о ликвидации от имени компании L.E., но посчитал это не относящимся к делу, поскольку компания L.E. не внесла требуемую предоплату и ее ходатайство было отклонено (см. выше §§ 15 и 18).

121. Впоследствии, 9 июля 2007 г., Конституционный суд Словении решил, что нижестоящие суды правильно применили установленные им для проведения различия между активными и пассивными акционерами в конкретных обстоятельствах дела заявителя. В этой связи жалоба заявителя была отклонена как явно необоснованная.

122. Европейский Суд не видит оснований для несогласия по существу с приведенными выше доводами судов Словении. Европейский Суд не убежден доводами заявителя о том, что суды Словении должны были придавать большее значение другим факторам, которые он привел, и освободить его от личной ответственности. В принципе в задачу Европейского Суда не входит переоценка выводов судов государства-ответчика по вопросам факта. Кроме того, как установил Европейский Суд в своей прецедентной практике, презумпции факта или права действуют в каждой правовой системе. Конвенция в принципе не запрещает такие презумпции, но требует, чтобы Договаривающиеся Государства соблюдали разумные пределы, когда речь идет об уголовном праве (см. Постановление Европейского Суда по делу «Салабиаку против Франции» (*Salabiaku v. France*) от 7 октября 1988 г., § 28, Series A, № 141-A). По мнению Европейского Суда, презумпции могут быть *a fortiori* приняты в области корпоративного права, когда под угрозой находится право на уважение собственности. Кроме того, ничто не указывает на то, что способ применения соответствующего бремени доказывания в деле заявителя превысил указанные пределы (см. выше § 100).

123. Относительно конкретной ситуации рассматриваемой компании Европейский Суд также отмечает, что L.E. была преобразована из публичной компании с ограниченной ответственностью в компанию с ограниченной ответственностью в ноябре 1995 года (см. выше § 13). Как пояснил Конституционный суд Словении в своем Постановлении № U-I-135/00, § 44 (протитировано выше, в § 51), компании с ограниченной ответственностью, также называемые частными компаниями с ограниченной ответственностью, значительно отличались от публичных компаний с огра-

ниченной ответственностью, особенно в части ответственности их акционеров. Заявитель признал, что компания L.E. была неплатежеспособной уже в момент ее реорганизации. Следовательно, можно сделать единственный вывод, что, будучи компанией с ограниченной ответственностью, компания L.E. изначально не была надлежащим образом капитализирована и действовала с нарушением применимых норм корпоративного права. Кроме того, несмотря на то, что компания L.E. не могла восстановить ликвидность и платежеспособность с 1995 года, она подала заявление о ликвидации только два года спустя, когда у нее явно не было каких-либо активов. Компания L.E. не смогла произвести требуемую предоплату, покрывающую расходы на соответствующее производство, в размере 626 евро и вместо этого решила подождать возбуждения производства по инициативе суда. Однако применимое законодательство изменило и исключило такую возможность, поскольку FOCA ввел более строгие положения о деятельности компаний.

124. В этом отношении необходимо отметить, что оспариваемые положения FOCA стали применяться только через год после вступления закона в силу. *Vacatio legis* в течение одного года предоставил компании L.E. и ее акционерам достаточно времени, чтобы возбудить надлежащее производство по ликвидации компании и избежать применения FOCA (в отличие от дела «Вейконь против Венгрии» (*Vékony v. Hungary*) (Постановление Европейского Суда от 13 января 2015 г., жалоба № 65681/13, § 34), в котором Европейский Суд постановил, что заявителю не было предоставлено достаточно времени, чтобы приспособиться к новой ситуации). Действительно, акционеры должны были бы покрыть расходы на проведение возбужденной ими процедуры ликвидации, но избежали бы исключения компании из реестра и личной ответственности по долгам компании. Следовательно, хотя компания L.E. не могла оплатить свои долги и осуществлять деятельность, для которой она была создана, она продолжала свое существование. В этой связи Европейский Суд не видит оснований для того, чтобы ставить под сомнение позицию Конституционного суда Словении, приведенную властями государства-ответчика, согласно которой подобные компании представляли угрозу для надлежащего функционирования рынка.

125. Кроме того, последствия снижения капитала ниже установленного законом порогового уровня и, в конечном счете, его полного исчерпания в совокупности с неспособностью в течение длительного времени возбудить процедуру ликвидации оказали значительное негативное влияние на положение кредитора компании (а именно на компанию «Словенские железные дороги»). Последний длительное время находился в состоянии неопределенности относительно того, будет ли погашена

задолженность перед ним. Такого длительного производства можно было бы избежать, если бы компания L.E. подала заявление о своей ликвидации в надлежащий срок, признав, что она не сможет восстановить наличие основных средств на достаточном уровне для продолжения своей деятельности.

126. Ссылаясь на упоминавшееся выше постановление Суда ЕС по делу «Компания “Идрима Типу АЕ” против Министерства печати и средств массовой информации Греции», заявитель утверждал, что оспариваемая мера также противоречила основополагающим принципам корпоративного права Европейского союза. Однако представляется, что его утверждение не передает надлежащим образом содержание упомянутого постановления, в § 42 которого ясно сказано:

«...хотя из анализа законодательства государств – членов ЕС очевидно... что в большинстве случаев акционеры компаний, перечисленных в статье 1 Первой директивы, не обязаны нести личную ответственность по долгам компаний, ответственность которых ограничена акциями или иным образом, из этого нельзя сделать вывод о том, что данный принцип является общим принципом корпоративного права, применимым при любых обстоятельствах и без исключения».

В указанном деле Суд ЕС установил нарушение принципа свободы учреждения и свободного движения капитала в силу того, что рассматриваемая мера позволила привлечь акционеров публичной компании с ограниченной ответственностью в телевизионном секторе к ответственности за штрафы, наложенные на данную компанию, чтобы они следили за соблюдением компанией законодательства Греции и правил добросовестного поведения, в то время как полномочия, предоставленные таким акционерам, фактически не давали им такой возможности (см. § 57 указанного Постановления). Напротив, в соответствии с ФОСА в редакции, предложенной Конституционным судом Словении в 2002 году, только те акционеры, которые могли активно влиять на деятельность компании, несли ответственность по ее долгам. Суд ЕС также указал, что сдерживающее воздействие анализируемой меры было более значительным для инвесторов из других государств – членов ЕС, чем для инвесторов из Греции. Данный аспект не рассматривался в рамках настоящего дела.

127. Следует также подчеркнуть, что сумма задолженности, выплаченная заявителем (см. выше § 31), была относительно умеренной. Кроме того, компания «Словенские железные дороги» подала иски не только против заявителя, но и против других акционеров компании L.E. (см. выше § 24). В любом случае заявитель не утверждал и тем более не обосновывал, что для него возникли какие-либо серьезные последствия в этой связи (в отличие от обстоятельств в упоминав-

шемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Васкрсич против Словении», § 83). Следовательно, в настоящем деле Европейский Суд не находит фактических оснований, чтобы прийти к выводу о том, что оспариваемая мера, основанная на установленном законом правиле о неограниченной ответственности заявителя по непогашенным долгам компании L.E., была несоизмеримой.

128. В этой связи Европейский Суд также принял во внимание механизм гарантий, который согласно пояснениям властей Словении, что не оспаривалось заявителем, был предусмотрен режимом ФОСА: помимо долгов, акционеры исключенных из реестра компаний также получили все активы данных компаний, а кредиторам исключенных из реестра компаний был предоставлен ограниченный срок в один год, чтобы добиваться исполнения своих требований от акционеров таких компаний. Кроме того, если, по мнению заявителя, он заплатил больше остальных активных акционеров компании L.E., то он мог подать гражданский иск против них в целях получения возмещения.

129. В свете вышеизложенных доводов, в частности, участия заявителя в управлении компанией, выплаченной им суммы задолженности (см. выше § 127) и ситуации, которая сложилась в Словении в соответствующий период (см. выше § 106), Европейский Суд считает, что между преследуемой целью и использованными средствами был установлен разумный баланс соразмерности. Оспариваемая мера в конкретных обстоятельствах дела не влекла за собой индивидуальное и чрезмерное бремя для заявителя и, таким образом, не выходила за пределы усмотрения государства в этой области (см. выше §§ 105 и 118).

6. Заключение

130. Соответственно, по делу не было допущено нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

На основании изложенного Большая Палата Европейского Суда:

- 1) единогласно отклонила предварительные возражения властей Словении;
- 2) постановила 15 голосами «за» при двух – «против», что по делу не было допущено нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Совершено на английском и французском языках, вынесено на открытом слушании во Дворце прав человека в г. Страсбурге 11 декабря 2018 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Сёрен ПРЕБЕНСЕН
Секретарь Секции
Суда

Гвидо РАЙМОНДИ
Председатель
Большой Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие отдельные мнения судей:

(а) совместное совпадающее мнение судей Гвидо Раймонди, Ангелики Нуссбергер, Пауля Лемменса, Жоржа Раварани, Петера Пачолаи и Боштьяна Залара;

(б) совместное особое мнение судей Ксении Туркович и Стефани Муру-Викстрём.

СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ГВИДО РАЙМОНДИ, АНГЕЛИКИ НУССБЕРГЕР, ПАУЛЯ ЛЕММЕНСА, ЖОРЖА РАВАРАНИ, ПЕТЕРА ПАЧОЛАИ И БОШТЬЯНА ЗАЛАРА

1. Мы присоединились к большинству судей, не установив нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Однако при всем уважении мы позволим себе не согласиться с утверждением о том, что «необходимость привлечения акционера компании с ограниченной ответственностью к ответственности по долгам компании и, таким образом, снятия корпоративной вуали должна быть обусловлена исключительными обстоятельствами и уравновешена конкретными гарантиями» (см. § 112 настоящего Постановления). По нашему мнению, ссылка на «исключительные обстоятельства» неуместна или вводит в заблуждение в таком деле, как настоящее.

А. ТРЕБОВАНИЕ О НАЛИЧИИ «ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ» НЕ СЛЕДУЕТ ПРИМЕНЯТЬ В КОНТЕКСТЕ КРИТЕРИЯ «СПРАВЕДЛИВОГО БАЛАНСА»

2. Внутригосударственное законодательство должно определять, при каких условиях юридическое лицо, созданное одним или несколькими лицами, может быть наделено правосубъектностью, и в какой степени правосубъектность компании отделена от правосубъектности ее акционеров. Если законодательство страны предусматривает, что компания определенного типа обладает отдельной правосубъектностью, суды, включая международные, должны принимать во внимание характеристики такой правосубъектности. Соответственно, в принципе только компания может действовать в защиту своих прав, и только компания может нести ответственность по своим обязательствам.

3. Из данного принципа имеются исключения. Как пояснил Международный суд ООН в Постановлении по делу «Компания “Барселона Трэкшн, Лайт энд Пауэр Компани Лимитэд”», которое приведено в § 111 настоящего Постановления, снятие корпоративной вуали допускается внутригосударственным законодательством многих,

если не всех, государств «в интересах лиц изнутри юридического лица, а также лиц извне юридического лица, которые имели дело с таким юридическим лицом» (Постановление Международного суда ООН по делу «Компания “Барселона Трэкшн, Лайт энд Пауэр Компани Лимитэд”» («Бельгия против Испании») (Barcelona Traction, Light and Power Company Limited) (Belgium v. Spain)¹ от 5 февраля 1970 г., *ICJ Reports* 1970, p. 40, § 56). Международный суд ООН указал на различную периодичность рассмотренных ситуаций: в то время, как «снятие корпоративной вуали чаще применяется извне, в интересах лиц, которые вели дела с юридическим лицом... указанный принцип также применялся изнутри в интересах, среди прочего, акционеров, но только в исключительных случаях» (*ibid.*, p. 40, § 57). На основе анализа внутригосударственных законов Международный суд ООН пришел к выводу, что процесс снятия корпоративной вуали, «который является исключительным и признается внутригосударственным законодательством в отношении созданных им же институтов, в равной степени приемлем для того, чтобы играть аналогичную роль в международном праве». В частности, Международный суд ООН признал наличие «особых обстоятельств, которые оправдывают снятие корпоративной вуали в интересах акционеров» (*ibid.*, p. 40, § 58).

Дело «Компания “Барселона Трэкшн, Лайт энд Пауэр Компани Лимитэд”» касалось требования государства, действующего от имени акционеров, которые являлись его гражданами. Европейский Суд ссылаясь на указанное постановление при решении вопроса о том, могут ли отдельные акционеры (сами юридические лица) подать жалобы в Европейский Суд на нарушение прав их компаний. Европейский Суд заключил (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Агротексим” и другие против Греции» (Agrotexim and Others v. Greece) от 24 октября 1995 г., § 66, Series A, № 330-A):

«...“снятие корпоративной вуали” или игнорирование корпоративной правосубъектности оправдано только в исключительных обстоятельствах, в частности, когда четко установлено, что у компании отсутствует возможность обратиться в конвенционные органы, учрежденные в соответствии с ее уставом или в случае ликвидации через ее ликвидаторов».

Мы бы хотели подчеркнуть, что в ситуациях, аналогичных тем, что были рассмотрены в делах «Компания “Барселона Трэкшн, Лайт энд Пауэр Компани Лимитэд”» и «Компания “Агротексим” и другие против Греции», снятие корпоративной вуали осуществляется в соответствии с общим принципом (корпоративного) права, применяемым в интересах акционеров. В таком особом

¹ Так в тексте. В параграфе 111 настоящего Постановления это название дела не указано (*примеч. редактора*).

контексте требование о наличии исключительных обстоятельств вполне понятно и четко применимо: снятие корпоративной вуали является отступлением от общего правила отделения правосубъектности компании от правосубъектности ее акционеров, как определено законодательным органом.

4. Настоящее дело имеет иной характер. Большинство судей признали наличие этой разницы и даже отметили, что «то направление прецедентной практики, которое сложилось на основе упоминавшегося выше дела “Компания “Агротексим” и другие против Греции”, не может быть непосредственно использовано для содействия Европейскому Суду в разбирательстве такого дела, как настоящее, которое касается снятия корпоративной вуали компании с ограниченной ответственностью в интересах ее кредиторов...» (см. выше § 111). Судьи Европейского Суда, тем не менее, постановили, как указано выше, что снятие корпоративной вуали в таком деле, как настоящее, может быть допустимым в соответствии с Конвенцией только в тех случаях, когда такая «необходимость обусловлена исключительными обстоятельствами» (см. § 112 настоящего Постановления). Несмотря на формулировку, свидетельствующую об обратном, данное утверждение представляется прямым применением критерия, установленного в деле «Компания “Агротексим” и другие против Греции», к настоящему делу.

Различие между указанными двумя видами дел заключается не только в том, кто извлекает выгоду из снятия корпоративной вуали: акционеры (как в делах «Компания “Барселона Трэкшн, Лайт энд Пауэр Компани Лимитэд”» и «Компания “Агротексим” и другие против Греции») или кредиторы компании (как в настоящем деле). Различие носит фундаментальный характер и касается правовых оснований снятия корпоративной вуали: в первом случае, как указано выше, правовым основанием является общий принцип права, допускающий отступление от общего правила, установленного законодательным органом, во втором случае сам законодательный орган при определенных условиях допускает отступление от общего правила о том, что отдельные акционеры не несут ответственности по долгам компаний¹.

Мы не считаем, что Европейский Суд должен ограничивать пределы усмотрения внутригосударственных законодательных органов при установлении ими такой правосубъектности юридических лиц, которую они считают надлежащей. В част-

ности, по нашему мнению, в принципе² ничто не должно препятствовать законодательному органу в принятии решения о том, что отдельный акционер может нести ответственность по долгам компании или в определении обстоятельств, при которых это может и должно иметь место. Решение о том, что законодательный орган может делать это только «в исключительных обстоятельствах» (неясное понятие, фактически оставленное на усмотрение Европейского Суда), по нашему мнению, является неоправданным ограничением пределов усмотрения, которыми располагает внутригосударственный законодательный орган.

Нам непонятно, как такое ограничение может следовать из статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Фактически большинство судей превращают принцип (исключительно) корпоративного права (принцип отделения правосубъектности компаний от правосубъектности их акционеров и вытекающей из этого ограниченной ответственности акционеров, от которого законодательный орган может свободно отступать) в принцип Конвенции (от которого законодательный орган может отступать только «в исключительных обстоятельствах»).

Наконец, мы считаем, что включение большинством судей требования о наличии «исключительных обстоятельств» в состав общих принципов, которые должны применяться, создает некоторую неопределенность. Действительно, когда речь идет о применении общих принципов, требование о наличии «исключительных обстоятельств» упоминается только в § 115 настоящего Постановления. Большинство судей поясняют, что «исключительный характер обстоятельств, которые могут оправдать снятие корпоративной вуали, по сути сводится к природе вопросов, подлежащих решению компетентным внутригосударственным судом, а не к частоте возникновения таких ситуаций». Однако «это не означает, что подобные меры могут быть оправданы только в редких случаях». При этом, когда речь идет о конкретных критериях для установления справедливого баланса (см. §§ 116–129 настоящего Постановления), требование о наличии исключительных обстоятельств не упоминается.

В. УСТАНОВЛЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОГО БАЛАНСА В НАСТОЯЩЕМ ДЕЛЕ

5. Даже если оставить в стороне критерий «исключительных обстоятельств», это не будет означать, что выбор законодательного органа находится вне контроля Европейского Суда. Как указано выше, Конвенция требует, чтобы при

¹ Мы не выражаем мнения относительно того, в какой степени в отсутствие четкой законодательной нормы общий принцип права допускает снятие корпоративной вуали в интересах третьих лиц, таких как кредиторы компании. Данный вопрос был кратко рассмотрен в упоминавшемся деле «Компания “Барселона Трэкшн, Лайт энд Пауэр Компани Лимитэд”» (*ibid.*, р. 40, § 56, *in fine*) и как таковой не имеет отношения к настоящему делу.

² Мы используем выражение «в принципе», поскольку законодательный орган ограничен требованием достижения справедливого баланса между соответствующими правами и интересами (см. пункт 5 настоящего особого мнения).

вмешательстве законодательного органа в права собственности отдельных лиц был соблюден справедливый баланс между правами лиц, напрямую затронутых законодательным выбором, и конкурирующими интересами государства или общества в целом (см. § 109 настоящего Постановления).

Оценка того, был ли достигнут справедливый баланс, зависит от всех обстоятельств дела. Мы считаем, что не имеет значения, являются ли эти обстоятельства «исключительными», какое бы значение ни придавалось данному термину. Мы принимаем в качестве факта систему, установленную законодательным органом.

Что имеет значение, так это наличие у законодательного органа соответствующих и достаточных оснований для вмешательства, существование разумных отношений соразмерности между используемыми средствами и целью, которую государство пыталось достичь путем применения каких-либо мер (см. § 110 настоящего Постановления), а также возложение на заявителя индивидуального и чрезмерного бремени (см. §§ 110 и 112 настоящего Постановления).

6. Мы кратко остановимся на оценке того, был ли достигнут справедливый баланс в настоящем деле.

Прежде всего мы отмечаем, что вмешательство в права заявителя стало результатом меры общего характера, принятой законодательным органом. Действительно, FOCA определил ситуации, в которых акционеры могут быть привлечены к ответственности по долгам своих компаний. Судам Словении необходимо было только установить, соответствует ли положение заявителя ситуации, предусмотренной законом (см. для сравнения Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Жданок против Латвии» (*Ždanoka v. Latvia*) жалоба № 58278/00, § 114, *ECHR* 2006-IV), разумеется, наряду с проверкой того, было ли вмешательство в право заявителя на уважение его собственности совместимо со стандартами Конвенции.

Для определения того, установила ли мера общего характера справедливый баланс между рассматриваемыми конкурирующими интересами, Европейский Суд должен прежде всего оценить лежащий в ее основе законодательный выбор. Однако применение меры общего характера к обстоятельствам дела по-прежнему свидетельствует о ее фактическом воздействии и, следовательно, является существенным для оценки ее соразмерности (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Международная организация защитников животных против Соединенного Королевства» (*Animal Defenders International v. United Kingdom*), жалоба № 48876/08, § 108, *ECHR* 2013, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Коррейя де Матуш против Португалии» (*Correia*

de Matos v. Portugal) от 4 апреля 2018 г., жалоба № 56402/12¹, § 129).

7. В этом отношении мы согласны с общим подходом, принятым большинством судей при применении общих принципов к настоящему делу: сначала они изучили законодательную базу как таковую (см. §§ 113–118 настоящего Постановления), а затем применили изученное законодательство к делу заявителя (см. §§ 119–128 настоящего Постановления).

В частности, мы согласны с тем, что законодательный орган создал систему, способную достичь справедливый баланс между интересами кредиторов исключенных из судебного реестра компаний и интересами акционеров таких компаний (см. § 118 настоящего Постановления), и что качество парламентского и судебного анализа необходимости этого законодательства и принятых мер позволяло оправдать широкие пределы усмотрения в отношении сделанного законодательного и судебного выбора (*ibid.*)². Наконец, мы согласны с тем, что при обстоятельствах настоящего дела на заявителя не было возложено индивидуально и чрезмерного бремени (см. § 129 настоящего Постановления).

На основании указанных соображений мы согласны с выводом о том, что в настоящем деле не было допущено нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ КСЕНИИ ТУРКОВИЧ И СТЕФАНИ МУРУ-ВИКСТРЕМ

(Частичный перевод)

1. При всем уважении мы не можем присоединиться к выводу большинства судей об отсутствии нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

А. ОБЩИЙ КОНТЕКСТ ЖАЛОБЫ И СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ FOCA

2. По нашему мнению, законодательный орган может свободно отступать от принципа отделения правосубъектности компании от правосубъектности ее акционеров, но он не вправе делать это с обратной силой в отношении долгов, возникших в период применения доктрины корпоративной вуали. При таких обстоятельствах акционеры

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018 № 5 (примеч. редактора).

² Мы пришли к такому выводу, несмотря на решение Конституционного суда Словении, согласно которому оспариваемая мера, введенная FOCA, не представляет собой вмешательство в права акционеров, гарантированные статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции (см. § 38 Постановления Конституционного Суда Словении от 9 октября 2002 г. № U-I-135/00, упомянутого в §§ 48–52 настоящего Постановления).

должны иметь законное ожидание того, что корпоративная вуаль не будет снята и что какое-либо вмешательство в их права собственности будет иметь место только в тех случаях, когда оно отвечает интересам общества. При этом данное вмешательство должно быть необходимым в демократическом обществе. Мы также полагаем, что только исключительный характер обстоятельств может оправдать снятие корпоративной вуали. Однако в настоящем деле отсутствовали какие-либо исключительные обстоятельства, при этом надлежащий критерий баланса не был предусмотрен законом и не применялся судами Словении.

3. Принимая ФОСА (Закон «О финансовой деятельности компаний»), который вступил в силу 23 июля 1999 г., власти Словении стремились решить проблему тысяч так называемых спящих, или неактивных, компаний, которые, имея высокий уровень задолженности и в большинстве случаев (92%) не имея в штате сотрудников, предположительно представляли угрозу для экономики Словении.

4. Тем не менее указанное новое законодательство было призвано обеспечить простое и эффективное разрешение ситуации, развитие которой допустило само государство и за которую оно по этой причине несет определенную степень ответственности. ФОСА был принят в 1989 году, за два года до того, как Словения получила независимость в 1991 году. Будучи независимой и свободной от оков социалистической системы, Словения решила по-прежнему применять данное законодательство, хотя у нее не было соответствующей обязанности. Следовательно, данное решение, касающееся экономической политики, было принято новым независимым государством. В этом контексте важно отметить, что проблемы, созданные законодательством, в значительной степени возникли после получения независимости и в действительности не были унаследованы от социалистической эпохи (большинство судей заняли другую позицию, см. § 106 настоящего Постановления). Благодаря своевременному реагированию власти Словении могли бы предотвратить ситуацию или, по крайней мере, значительно ограничить ее последствия.

5. Был ли законодательный орган в любом случае косвенно уполномочен занимать позицию, согласно которой переход к рыночной экономике и наличие (по общему признанию) критически большого количества компаний-«живых мертвецов», то есть возникновение ситуации, которая фактически была создана самим государством и которая могла представлять собой преимущественно и объективно, без какого-либо анализа на индивидуальной основе исключительные обстоятельства, которые оправдывали снятие корпоративной вуали?

6. С аналогичной ситуацией столкнулись и другие государства, которые ранее входили в состав

бывшей Югославии, но они не приняли таких радикальных мер в ущерб акционерам и не столкнулись в результате этого с какими-либо негативными последствиями. В отличие от большинства судей мы не считаем, что ситуация в Словении представляет собой исключительные обстоятельства, которые оправдывали бы снятие корпоративной вуали при наличии специальных гарантий (см. § 106 настоящего Постановления во взаимосвязи с §§ 112 и 116 настоящего Постановления). Кроме того, большинство судей не дали какого-либо определения исключительных обстоятельств. По нашему мнению, стандарт, установленный в Постановлении Европейского Суда по делу «Компания “Агротексим” и другие против Греции» (*Agrotexim and Others v. Greece*) (от 24 октября 1995 г., § 66, Series A, № 330 A), который был разработан в контексте жалобы акционера для подтверждения статуса «жертвы» по смыслу статьи 34 Конвенции, чтобы акционеры могли обращаться за защитой своих интересов в Европейский Суд, не может прямо применяться к случаям, когда снятие корпоративной вуали имеет место в целях возложения ответственности на акционеров.

7. Механизм, введенный ФОСА, предусматривал, что «активные акционеры» (имеющие 10% или более долей участия в компании) должны были подать заявление о ликвидации в течение одного года после вступления в силу законодательства, в противном случае они несли личную ответственность по любым долгам. Новая схема была введена во избежание процедур прекращения деятельности, которые были бы длительными и дорогостоящими для государства (см. § 43 настоящего Постановления). Однако данное упрощенное производство в целях исключения «спящих» компаний из судебного реестра могло лишить кредиторов возможности защитить свои интересы за счет активов исключенных из реестра компаний (см. § 52 настоящего Постановления). Таким образом, снятие корпоративной вуали было введено для того, чтобы служить «общим интересам» защиты кредиторов, а также учитывать интересы акционеров (см. § 50 настоящего Постановления). Тем самым государство отдавало предпочтение защите интересов кредиторов перед интересами акционеров и фактически полностью возлагало расходы на проведение упрощенного производства на плечи акционеров, которые только принимали корпоративные решения в рамках разумных коммерческих рисков, как и кредиторы. Акционеры были вынуждены платить за ненадлежащие политические решения государства и за неправильные коммерческие решения как акционеров, так и кредиторов, либо просто за сложные экономические условия, которые существовали в Словении в соответствующий период времени. Следовательно, мы полагаем, что акционеры были вынуждены нести чрезмерное бремя при введении упрощенного про-

изводства по исключению «спящих» компаний из судебного реестра.

8. Мы считаем, что данное положение является явно необоснованным и возлагает чрезмерное бремя на некоторых акционеров компании исключительно потому, что они не инициировали процедуру ликвидации. Лица, обратившиеся с заявлением о возбуждении процедуры ликвидации, освобождались от личной ответственности за свои активы (см. выше § 42). Таким образом, их собственность находилась в безопасности и была защищена законом исключительно на основании того, что они выполнили административные формальности. Данная мера является суровой и фактически безграничной финансовой санкцией, в то время как простой штраф и приказ об оплате производства по ликвидации достигли бы той же цели. Отсутствовала необходимость принимать подобные радикальные меры в отношении акционеров, которые не воспользовались какими-либо преимуществами корпоративной вуали (то есть не совершили преступлений, не уклонялись от налоговых обязательств, не создавали фиктивные компании, не принимали решения, противоречащие государственной политике, не использовали корпоративную форму для нарушения прав человека и т.д.).

9. В то же время снятие корпоративной вуали стало мерой защиты для кредиторов в рамках упрощенного производства по исключению компаний из судебного реестра. Данная защита потенциально могла бы быть большей по сравнению с той, что была доступна в рамках процедуры ликвидации, поскольку соответствующие акционеры несли ответственность по долгам вплоть до стоимости всего их имущества, а у «спящих» компаний зачастую не было активов. Следовательно, ФОСА создал преимущества для кредиторов в ущерб акционерам в части задолженностей, возникших до принятия ФОСА.

10. Кроме того, после исключения компании из судебного реестра акционеры более не могли избежать личной ответственности. Их личная ответственность по долгам компаний возникала автоматически, если было установлено, что они владеют долей в уставном капитале как минимум в размере 10%. Отсутствовала возможность привлечь во внимание какие-либо личные обстоятельства. Кроме того, не были предусмотрены какие-либо ограничения на сумму, которая могла быть у них истребована. Закон не предусматривал и не создавал возможности для проверки соблюдения баланса. Соответственно, ФОСА резко отступил от принципа, согласно которому в целях снятия корпоративной вуали бремя доказывания лежало на кредиторах.

11. Властям Словении не удалось надлежащим образом определить общие интересы, которые, как было указано, оправдывали введение данного законодательства. Может ли эта мера, ставящая под

сомнение защиту акционеров, которые полагали, что они были защищены самой структурой компании с ограниченной ответственностью, рассматриваться как соответствующая общим интересам? Можно ли рассматривать безусловную защиту кредиторов как «основание преобладающего общего интереса» (см. § 50 настоящего Постановления)? Это не так, тем более, что закон не содержал требования о проведении анализа соразмерности меры, и такой анализ не проводился на внутригосударственном уровне, когда дело рассматривалось исключительно в соответствии со статьей 6 Конвенции, без рассмотрения его в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Как мы указывали ранее, в распоряжении государства имелись гораздо менее радикальные средства, чтобы «заставить» акционеров *bona fide* ликвидировать «спящие» компании или соразмерно наказать их за невыполнение этой обязанности.

12. Мы считаем, в отличие от большинства судей, что ФОСА не отвечает требованиям соразмерности. Указанный закон оказал негативное влияние на субъекты хозяйственной деятельности, особенно на небольших инвесторов. Законодательный орган учредил систему, которая создала дисбаланс в защите интересов кредиторов и акционеров *bona fide* в ущерб последним. Это было признано самим законодателем. ФОСА просуществовал недолго и применялся в течение ограниченного периода времени. Он был отменен уже к 2011 году, поскольку считался несправедливым по отношению к заинтересованным акционерам и в долгосрочной перспективе причиняющим ущерб экономике (см. § 54 настоящего Постановления). Как таковой он фактически не отвечал интересам общества или по крайней мере не обеспечивал надлежащего баланса между интересами общества и интересами акционеров.

13. Его последствия для активов затронутых им акционеров были явно несоразмерными.

В. ПРИМЕНЕНИЕ СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ЗАКОНА К ЗАЯВИТЕЛЮ

14. Условия, в которых заявитель занял ответственную должность в компании L.E., особенно показательны. Приобретя небольшую долю в размере 11,11% от капитала компании в 1992 году, в 1993 году он работал в отделе информационных технологий. Заявитель стал исполняющим обязанности директора только 23 февраля 1993 г. и генеральным директором 23 февраля 1995 г. вследствие трагического несчастного случая, в результате которого два главных директора погибли, а два других акционера получили травмы. Следовательно, заявитель оказался на руководящей должности практически «против своей воли» вследствие указанных драматических событий.

15. Ввиду обстоятельств, в которых заявитель принял на себя обязанности в компании L.E., а также из-за информации о его личности мы не считаем, вопреки мнению большинства судей, что заявителя можно считать хорошо информированным предпринимателем, осведомленным о правилах экономического управления компанией и процедурах коммерческого права, даже если следует справедливо отметить, что он мог ознакомиться с применимыми нормами и своими личными обязанностями, обратившись за консультацией к юристу. Однако поскольку компания не получала прибыль, возникают сомнения в том, что у него для этого имелись ресурсы.

16. В 1993 году компания «Словенские железные дороги» подала гражданский иск против компании L.E. с требованием выплаты задолженности, которая возникла задолго до того, как заявитель стал акционером компании.

17. В 1996 году заявитель принял решение уйти с должности генерального директора, хотя L.E. была компанией с ограниченной ответственностью с 1995 года. Следовательно, заявитель явно выразил желание уйти из компании, хотя он мог на законных основаниях полагать, что он был защищен корпоративной вуалью. Его намерение состояло не в том, чтобы скрыть какие-либо ненадлежащие действия или совершить правонарушение, а в том, чтобы уйти с руководящей должности. Техническая ошибка в реестрах компании привела к тому, что он остался ее генеральным директором.

18. В 1997 году заявитель от имени компании L.E. инициировал процедуру ликвидации, что мог сделать любой миноритарный акционер в соответствии со статьями 445 и 455 Закона «О субъектах хозяйственной деятельности» 1993 года. Однако сбор за публикацию в «Официальном вестнике Республики Словения» не был оплачен, поскольку, по словам заявителя, другие акционеры отказывались платить. С учетом этого пояснения, которое не было опровергнуто властями Словении, разумно ли было ожидать, что он понесет указанные расходы самостоятельно? Можно ли считать его лично виновным? Мы так не думаем, поскольку обязанность оплатить сбор должна лежать на всех акционерах, даже если с юридической точки зрения заявитель мог оплатить его сам. Должна иметь

место коллективная ответственность различных лиц, входящих в состав компании с ограниченной ответственностью, а не только одного акционера, который, кроме того, стремился уйти из компании с 1995 года.

19. В то же время решение об исключении компании L.E. из судебного реестра не было доведено до сведения лично заявителя или какого-либо иного акционера, хотя заявитель должен был быть уведомлен об этом ввиду значительных последствий данного решения для его имущества. Нельзя считать, что в результате направления уведомления исключительно в головной офис компании L.E. заявитель получил информацию о нем и мог оспорить данную меру.

20. Снятие корпоративной вуали для обращения взыскания на личные активы акционера в компании с ограниченной ответственностью служит санкцией за какие-либо злоупотребления, мошеннические действия или предвзятое поведение со стороны акционера, который может прикрываться защитой, чтобы скрыть правонарушения. Однако не было доказано и даже не утверждалось, что заявитель в настоящем деле действовал незаконно. Следовательно, единственной целью снятия корпоративной вуали являлась попытка взыскать задолженность, которая не имела к заявителю никакого отношения, поскольку он не владел долями компании на момент регистрации задолженности. Заявитель не мог влиять на принятие решения, в результате которого возникла задолженность перед компанией «Словенские железные дороги», но, как оказалось, должен был возместить сумму в размере 32 795 евро, поскольку закон не устанавливал максимального предела в отношении суммы, выплаты которой можно было потребовать от заявителя. Если бы задолженность была в 10 или в 100 раз выше, он был бы обязан возместить эту сумму в полном объеме на тех же основаниях без учета его личной ситуации.

21. Соответственно, снятие корпоративной вуали имело несоразмерные последствия для права собственности заявителя.

22. В свете вышеизложенного мы придерживаемся мнения о том, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.